

+

ВВЕДЕНИЕ
К ПЕРВОМУ ТОМУ
ПОСВЯЩЕННОЕ
СЛОВО

ВВЕДЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ
К ПЕРВОМУ ТОМУ
ПОСВЯЩЕННОЕ
СЛОВО

Жизнь и творчество — работать с
каждым из нас
с любовью и с любовью

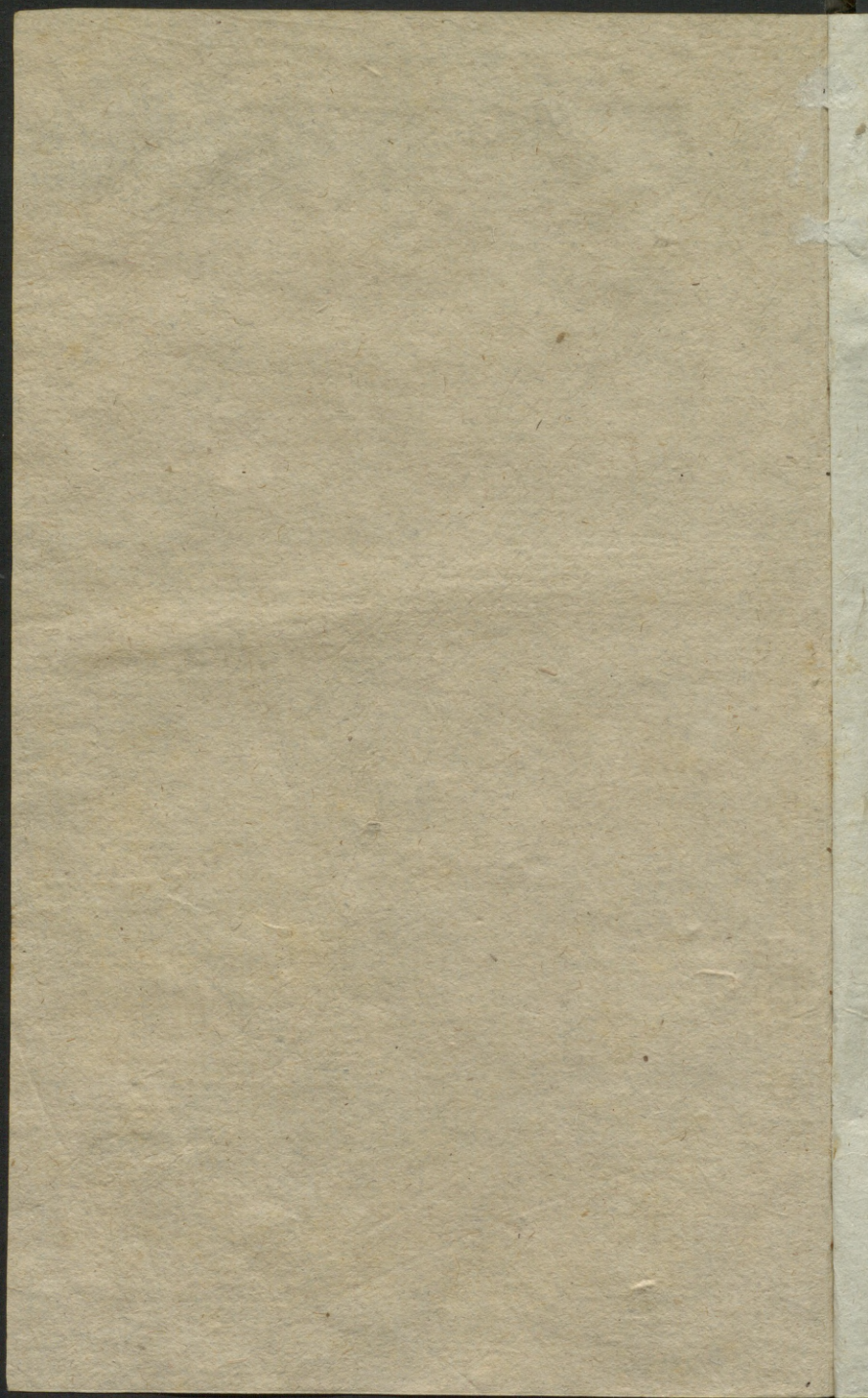
ПРИ
ВВЕДЕНИЕ
К ПЕРВОМУ ТОМУ
ПОСВЯЩЕННОЕ
СЛОВО

433

~~Михаиловъ Дува
Дувабрата Пыгукара
№ 209~~

Зоринъ перену буди мену

№ 455 468.

ФЕОБАЛДЪ,

или

МЕЧТАТЕЛИ.

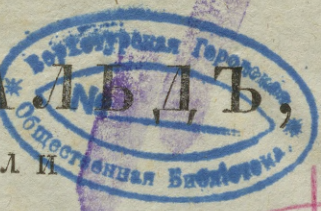
MS

✓ **ОБОБЛАДЪ,**
ИЛИ
МЕЧТАТЕЛИ,

ИСТИННАЯ ПОВѢСТЬ,

Генриха Штиллинга.

По срединѣ дороги иди всего безопаснѣе.

Ш 912

Ш 912

~~1734~~

1855

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ
Редкие книги

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ

Ш. 3516

47995

МОСКВА

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

Государственный издательский центр
Библиотека им. В. Г. Болшаккина г. Свердловск

Печатавъ дозволяется съ тѣмъ, чинобы
по оппечашаніи, до выпуска въ продажу,
предсшавлены были въ Ценсурный Коми-
тетъ: одинъ экземпляръ сей книги для
Ценсурнаго Комитета, другой для Депар-
таментна Минисперства просвѣщенія, два
экземпляра для Императорской публичной
Библиотеки и одинъ для Императорской Ака-
деміи Наукъ. Москва, Мая 12го дня 1819
года. *Экстраординарный Профессоръ*
Николай Векеловъ.

с 1193309 ✓

Изданіе Коммиссіонера Императорскаго Москов-
скаго Университета А. С. Ширяева.

ОБОБАЛЬДЪ,

ИЛИ

МЕЧТАТЕЛИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Обобальдъ и Сусанна сочешались бракомъ; а какъ онъ не окончилъ еще наукъ своихъ, шо и долженъ былъ вновь отправишься въ Алпдорфъ. Тешка, чшобы по добротѣ своей предварить прискорбную разлуку новобрачныхъ, помѣстила племянницу свою и Обобальда въ своемъ домѣ. Конечно это былъ совсѣмъ новыи способъ продолжашъ науки въ Университетѣ. Сначала во всемъ Алпдорфѣ о семъ шодько и говорили, но по прошествіи двухъ недѣль все прощено и все забышо; поступокъ сей вообще не шодько не умалялъ добраго мнѣнія о Обобальдѣ и о Сусаннѣ, но со временемъ заслужилъ общее одобреніе. Въ продолженіе оспальнаго академическаго курса съ Обобальдомъ случилось столь мало достопримѣчательнаго, чшо и не для чего шо описывашь. Обобальдъ окончилъ овои науки съ по-

хвалою и въ Борнгаузенѣ, въ Княжествѣ Борнфельскомъ, основался въ званіи врача.

Въ Борнгаузенѣ жили многіе благочестивые и добродѣтельные люди, въ томъ числѣ и Піетисты разнаго рода. Докшоръ Теообальдъ хотя во многихъ вещахъ былъ съ ними согласенъ; но наставленный многими опытами и правильными свѣдѣніями мыслишь и дѣйствовать съ благоразуміемъ, онъ не совѣмъ приспупалъ къ ихъ образу понятій, но жилъ по собственному своему свободному убѣжденію. Имъ эщо не нравилось; они считали его человекомъ, который мещется въ обѣ стороны, который не горячъ и не студень, котораго потому изблевань надлежало. Никшо не призывалъ его къ больнымъ; напрошивъ шого всѣ ненавидѣли, всѣ его гнали.

Иные съ другой стороны видѣли въ немъ Піетиста; ибо жизнь его шочная, уединенная и нѣкопорыя другія черщы его характера давали ему подлинно сію оштѣнку, шѣмъ болѣе, что онъ всегда носилъ скромную, шемнаго цвѣща одежду. Сіи также мало къ нему ошносились, шакъ что даже хозяйство его съ самаго начала во всемъ было скудно, между шѣмъ какъ и Сусанна по частымъ болѣзнямъ не могла ни за чѣмъ порядочно присматривать.

Я долженъ повторить при семъ по же самое, что сказалъ при бракосочетаніи отца Теообальдова. Доселѣ онъ и Сусанна пылали любовію, помились жаждою говорить о Богѣ и о вещахъ Божественныхъ; Сусанна особенно была споль краснорѣчива, споль просвѣщенна, что не сполько Теообальдъ, но и всѣ ей дивились; онъ равнымъ образомъ былъ такъ во всемъ съ нею согласенъ, сполько, по видимому, имѣлъ духовнаго помазанія, что самый строгій Писписъ долженъ бы былъ признавать ихъ усерднѣйшими Христіанами: шупъ вдругъ и слѣдъ всего сего исчезъ. Теообальдъ швердо рѣшился въ извѣстные часы молишвою совершать дома Богу службу. Сіе и продолжалось около мѣсяца; но мало по малу сія точность ослабѣвала, все забывалось, рвеніе охладѣло, и часто они оба по цѣлой недѣлѣ другъ опъ друга не слышали ни слова о Христіанствѣ. Часто они сами себя въ семъ испышывали, и разсуждали, какаѣ бы могла шому бытъ пошвенная причина. Причина сіѣ для нихъ пребывала скрышною до самаго свиданія ихъ съ Пасшоромъ Возіусомъ. Однажды онъ посѣшилъ ихъ. Ему открыли они свое сердце, и онъ скоро вывелъ ихъ изъ недоумѣнія. Не бесполезно будешь для многихъ чашапелей, когда я вкращѣ повторю здѣсь

наставленіе сего великаго мужа. Я записывую его изъ записной книжки Теообальдовой.

„Великое различіе между сладосными ощущеніями, пріятными воображеніями о Христіанствѣ и между истиннымъ живіемъ Христіанскимъ. Когда начинающій возбуждается и восчувствуетъ желаніе вступить на правую стезю Христіанства; то читаетъ назидательныя книги, разныя священныя писанія, Библию; все сіе оживляетъ, все наполняетъ его высокими чувствами, такъ что съ радостію пожертвовалъ бы онъ жизнью за Религію. Но все сіе не заключаетъ въ себѣ ничего существеннаго; все сіе въ основаніи есть только мечтаніе, въ началѣ впрочемъ нужное и полезное; ибо для души еще непросвѣщенной оно служитъ нишю, привязующею ее къ благочестію. Еслили же въ молодыхъ людяхъ присовокупилися къ тому побужденіе бракомъ соединившися; то энтузіазмъ опъ того еще увеличиваетъ, и опъ сего смѣшенія благочестивыхъ и плотскихъ мыслей и ощущеній часто рождающаго ужасныя заблужденія; когда же человекъ искренно и основательно предприметъ иппи путемъ усовершенія, иппи по стопамъ Искупителя, то непрестанно срѣтаетъ противуборство природы своей, чувственностіи, которая въ часы онаго прі-

дшаго мечпанія не шолько не спрадала, но
напрощивъ шого сама упоялась сладощію.
Непрерывное спремленіе духа къ преуспѣванію
въ благочестіи гнѣшетъ похоть, и ошъ шого
вся радощь исчезаетъ, весь источникъ весе-
лія изсякаетъ; въ сей нравственнѣй засухѣ
мы унываемъ. Уныніе сіе для шаковыхъ ново-
брачныхъ еще чувствительнѣе; ибо чѣмъ вы-
ше они въ мечпаніи на крылахъ любви воспа-
ряли, и шѣмъ глубже шогда душа ихъ низпа-
даетъ, не взирая на искомое удовлешвореніе
нриродныхъ побужденій. Не должно по шому
сливать плоды и духа; сліяніе сіе всегда
имѣетъ горестнѣйшія послѣдствія; и да не
мыслишь никакъ, что пріяшныя чувства при
размышленіи о предметахъ Религіи суть ис-
тинное знаменіе истиннаго Христіанства; не-
ложное, вѣрное знаменіе Христіанства сіе
естъ: ешъли мы никогда не можемъ насы-
титься благошвореніемъ ближнему; ешъли
мы готовы охотно пожертвовать всѣми сво-
ими силами для истиннаго другихъ блага;
ешъли мы, испытывая сами въ себѣ корень
готовности къ сей жертвѣ, находимъ во глу-
бинѣ души сію напечатлѣнную истину: я
прошму желалъ бы сдѣлать весь міръ шасшли-
вымъ, чтобы шѣмъ уподобиться Отцу моему
небесному и дражайшему моему Искушителью,

чтобы шѣмъ благоугодить Ему и достигнуть совершенства. И вольнодумецъ дѣлаешь добро ближнему; но по чему? По нѣкоторому тайному сластолюбію; сердце его шѣшился шѣмъ, когда другіе предъ нимъ веселы, и особенно, когда онъ причиною сей радости. И сія благошворительность есть дѣло доброе; но какъ она имѣешь цѣлю свою собсвенную, а не Божию славу, къ которой всѣ дѣла наши должны относиться; по симъ самъ теряешь свое достоинство, и шѣмъ болѣе, что и сама не хранишь своихъ подвиговъ въ тайнѣ, а еще рѣже благошворишь врагу своему.“

Я прерываю наставленіе Пастора Бозиуса, чтобы слишкомъ не распроспраиваться. Теобальдъ и жена его наконецъ должны были на самомъ дѣлѣ исполнять то, о чемъ столь долго и часто прежде бесѣдовали, и надобно признаться, что они по истинѣ тщились всемирно предлагать свои знанія въ самыя дѣйствія; но трудъ сей въ супружествѣ, въ хозяйствѣ гораздо многотруднѣе, нежели какъ о томъ воображаютъ многіе пустословы.

Сколько Теобальдъ ни старался основательно выучиться врачебному искусству, но многое и упустилъ по старинной своей охотѣ ко всему чудесному. Содѣйствію Божию,

моливѣ своей о больномъ онъ вѣровалъ до
 такой спешени, что мыслить, что капля
 воды, самое простое лѣкарство въ рукахъ
 благочестиваго врача для излѣченія болѣзни
 достаточны; не разсуждалъ, что врачу оспа-
 нешся еще много о чемъ молишься, если
 онъ во врачеваніи и самыя дѣйствительныя
 средства соединишь съ благоразумѣйшею ме-
 тодою. Къ тому же онъ не преставае ожи-
 дае свыше непосредственнаго просвѣщенія
 въ своемъ званіи, и великое напряженіе раз-
 ума въ изслѣдованіи таинствъ природы счи-
 талъ насильственнымъ похищеніемъ правъ
 Божественныхъ; хотя я впрочемъ долженъ
 признаться, что щастливый его геній, спо-
 сѣшествуемый внимательнымъ ищаніемъ,
 доставилъ ему довольно основательныя по-
 знанія. Словомъ, Докшоръ Теобальдъ между
 бѣдными вылѣчалъ весьма многія важныя
 болѣзни; но съ знатными и богатыми не
 имѣлъ такой удачи. Послѣдствіемъ сего бы-
 ло скудное пріобрѣтеніе, и необходимостъ
 непрестанно просить своихъ и женныхъ
 родителевъ о помощи. Все сіе сполно ему
 великихъ скорбей; нечувствительно зашелъ
 онъ въ долги, прослѣлъ должникомъ, ху-
 дымъ хозяиномъ, не смотря на то, что

въ сдѣянїи, въ сполѣ, во всемъ едва могъ соблюсти приличіе, званію его свойственное.

Разныя встрѣчи съ Феобальдомъ по должностямъ, непрерывныя его пужды и огорченія домашнія я оспавляю; и буду продолжашъ шокмо по, что относитися до моей цѣли.

Верленбургское общество мало по малу остыло. Диппель, Тухшфельдъ, Гаугъ и самъ Графъ скончались; Гохманъ еще прежде перешелъ въ вѣчность; все погрузилось въ прежнее бездѣйствіе. Изъ великаго числа оспались шолько немногіе, копорые съ самаго начала искренно желали и искали внушренняго исправленія и усовершенія, и копорые сквозь всѣ мечпанія, сквозь всѣ заблужденія, какъ голову изъ пламени, восхитили единое на пошребу. Сїи шолько были солию земли.

Но шупъ явился на поприщѣ новый рыцарь; въ своемъ кругу играль онъ большую ролю, въ коей и Феобальдъ не мало участвоваль (*).

Недалеко отъ Борнгаузена въ уединенной деревнѣ, копорую мы назовемъ Іерусали-

(*) Слѣдующая повѣсть во всѣхъ отношеніяхъ справедлива. Грѣхъ бы былъ для меня что нибудь подобное выдумашъ; но я по важнымъ причинамъ открылъ имена.

момъ, жилъ честный крещянинъ, именемъ Коллеръ. У него было два сына; старшій изъ нихъ Беридъ, былъ земледѣлецъ, и послѣ отца наследовалъ домъ; младшій, по имени Эрнстъ, во время пребыванія Сеобальда въ Борнгаузенъ, пришелъ въ сей городокъ и занимался ремесломъ; онъ былъ мущина видный, имѣлъ хорошія познанія въ Религіи, и притомъ необыкновенную спрасиь ко всему чудесному, мечнашельному. Изъ Библии онъ не читалъ ничего почти инаго, кромѣ Апокалипсиса; но за то Апокалипсисъ зналъ наизусть; все малое собраніе книгъ его состояло изъ сочиненій Бемовыхъ, Пордечевыхъ и подобныхъ; Библия Берленбургскаго изданія, Духовная Молва въ семь же числѣ находились. Въ жизни и въ обращеніи онъ былъ шихъ, скромень и вообще всѣми любимъ.

Въ то самое время въ Борнгаузенъ жила богашая вдова Валшерсгаузенъ; фабриканны для нее шкали судна, копорыя она послѣ посылывала продавать на ярмарки; Эрнстъ Коллеръ для нее также работалъ, и не бывъ еще женатъ, — въ то время было ему около 28 лѣтъ ошъ роду, — онъ у другаго хозяина жилъ подмастерьемъ. Вдовѣ же Валшерсгаузенъ было тогда по крайней мѣрѣ 45 лѣтъ; мужъ ея давно скончался; она имѣла двухъ

сыновей; старшему Петру было 18 лѣтъ, младшему Лудвигу 16 лѣтъ.

Эрнстъ Коллеръ примѣшилъ, что вдова сія охотно внимала, когда онъ по своему говорилъ о Религіи; онъ съ такимъ жаромъ благовѣспилъ тысящелѣшнее царствіе, приближеніе сего блаженнаго времени, всѣ плоды, все его счастье, что добрая Валшерсгаузенъ въ восхищеніи сердца всегда неподвижно его слушала, не спускала его съ глазъ, едва дышала, и обыкновенно уже поздно осматривала благовѣспителя. Эрнстъ сіе ея вниманіе считалъ дѣиспвіемъ истиннаго страха Божія, и наконецъ рѣшился приблизиться къ ней путемъ дружбы, началъ подавать ей совѣты въ домашнихъ дѣлахъ, и по довѣренности принималъ участіе въ управленіи ея заведеніемъ. Вдовѣ было все это по сердцу; ибо и здѣсь, къ сожалѣнію, вкралась плотская любовь подъ покровомъ Религіи и благоговѣнія. Эрнстъ Коллеръ обѣими руками хвашился за нить сію; любилъ ли онъ ее взаимно, или одно богатство въ семь выборѣ его руководствовало — я не судья: великій день опкроешь сію шайну.

Эрнстъ наконецъ женился на вдовѣ Валшерсгаузенъ, и чрезъ то сдѣлался богатымъ купцомъ. Къ соспоянцію сему онъ былъ весь-

ма способень: зналъ основательно суконное дѣло, умѣлъ чашать и пишашь, и при томъ былъ необыкновенно пылкаго разума, какъ шо чашатели мои могушь заключишь изъ слѣдующей повѣсти. Скоро онъ познакомился съ торговлею; словомъ, ешьли бы Коллеръ прилѣнился токмо къ истинному, дѣятельному благочестию, ешьли бы пребылъ вѣренъ въ своемъ званіи и полезнымъ своимъ заведеніемъ спарался доставляшь бѣднымъ людямъ способъ къ пропитанію; шо сколько бы онъ принесъ прямой пользы! Но умъ его въ быспромъ своемъ спремленіи обратился совсѣмъ въ иную сторону.

Нѣсколько лѣтъ жилъ онъ съ женою спокойно и пріятно; дѣшей у нихъ не было. Тупъ одна сосѣдка, дочь мясника, приносившая Коллеру мясо, именемъ Филиппина Царшинъ, добрая, прекрасная, но сродная къ мечпаніямъ дѣвушка, начала учащать къ нему въ домъ. Приходя, она часто заспавала его за книгами, иногда въ разговорахъ, по большей части объ одномъ и томъ же любимомъ предметѣ. Сіе самое воспалило ея воображеніе. Она спала также чашашь Пророковъ Вешаго Завѣша и Апокалипсисъ, но съ такимъ мечпаніемъ, съ такимъ энтузіазмомъ, копорому можешь бышь нѣтъ примѣра

въ Исторіи. Коллеръ считалъ все сіе добрымъ; увѣщевалъ ее пребывать постоянно въ семь упражненіи, и сколь можно чаще, какъ шолько время ей позволяетъ, читалъ Слово Божіе; наконецъ снабдилъ ее книгами, кои могли еще болѣе вскружить ей голову.

Въ сіе самое время Докшоръ Оеобальдъ поселился въ Борнгаузенъ, и скоро познакомился и съ Коллеромъ и съ его образомъ мыслей. Сколь ни добрые уроки подавали ему дошолъ бывшія съ нимъ приключенія, какъ то читашели видѣли изъ предыдущато, не взирая на шо, склонность къ мечпаніямъ весьма глубоко въ немъ пустила корень, и шупъ еще въ немъ скрывалась. Узнавъ Коллера, наполненнаго чтеніемъ Миспическихъ книгъ, слыша ошъ него вѣроподобное изъясненіе Апокалипсиса, онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ снова впалъ въ прежній свой хаосъ, хопя и выльчился уже ошъ многихъ иныхъ такого же рода болѣзней. Коллерова система о тысящелѣтнемъ царствіи полюбилась ему, какъ постороннее занятіе, не препятствующее, ни споспѣшествующее преуспѣванію въ дѣятельномъ Христіанствѣ. Сначала онъ считалъ все сіе игрушкою, кошорою на досугъ можно забавляться; со временемъ обращалъ на сію игрушку все свое вниманіе; ибо непре-

55305
603321 с

УИИМ
 рынное разсмащриваніе по вблизи, по въ сѣ-
 даленности сего блистательнаго будущаго,
 болѣе и болѣе плѣняло его душу. Онъ спа-
 новился со дня на день ревностнѣйшимъ,
 хотя вмѣстѣ и осторожнѣйшимъ и скрыш-
 нѣйшимъ мечшашелемъ.

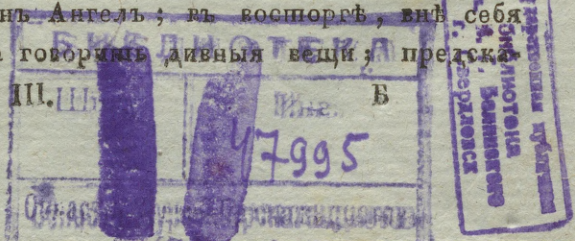
Нѣсколько лѣтъ сей огонь шлѣлъ подѣ
 пепломъ; пламя вшайнѣ увеличивалось; вдругъ
 наконецъ вспыхнуло. Коллеръ непримѣнно со-
 спавилъ себѣ общесство изъ друзей обоого по-
 ла; всѣ они считали его свашнымъ мужемъ,
 своимъ учашелемъ, и по временамъ собирались
 въ его домѣ. Оеобальдъ, жена его и дѣвица
 Царшинъ, копорая по чрезвычайному своему
 рвенію и свѣдѣніямъ превосходила воѣхъ про-
 чихъ, были членами сего общесства.

Въ началѣ прошлаго столѣтія все обще-
 сство въ одинъ вечеръ спокойно засѣдало въ
 домѣ Коллеровомъ; Оеобальдъ, Сусанна и
 Царшинъ шупъ же находились. Дыханіе духа
 мечшашельнаго въ сей день дѣйствовало го-
 раздо сильнѣе, нежели прежде; всѣ улива-
 лись радостію и сладостными онущеніями;
 другъ друга обнимали; другъ другу клялись
 въ вѣчной, братской любви. Вдругъ лице дѣ-
 вицы Царшинъ измѣнилось; казалось, въ ней
 былъ видѣнъ Ангель; въ восторгѣ, видѣ себя
 она начала говорить дивныя вещи; предска-

Часть III. III

Имя. Б

47995

зываетъ приближеніе перваго Воскресенія, тысящелѣтняго Царствія, и другіе важнѣйшіе предметы, съ шоль неописаннымъ величіемъ, что всѣ присуществующіе пали на землю на колѣна, молились, рыдали, изумлялись; всѣ были увѣрены въ ея даръ пророчества; всѣ считали ея рѣчи Божиимъ словомъ. Теобальдъ раздѣлялъ съ другими сіе самое мнѣніе. Ахъ! естли бы теперь пришелъ сюда Бозіусъ! сказалъ онъ Сусаннѣ. Я никогда не вѣрила его умствованіямъ, опвѣчала она. И въ сію же минуточку все то, что сей благочестивый мужъ насадилъ въ ихъ душахъ, изъ нихъ испорлось; вновь они оба были удостоенны въ томъ, что и прежде устами Сусанны также Богъ возвѣщалъ свою волю.

Необыкновенное сіе явленіе разнеслось быстро, какъ молнія, по всему Борнгаузену; шамошніе Пиеписты и многіе иные разсуждали о семъ происшествіи; начали посѣщать собранія Коллеровы, слушали пророчества дѣвицы Царшинъ, которая въ каждомъ уже собраніи проповѣдывала; нѣкоторыя присоединились къ сей новой сектѣ, такъ, что въ короткое время почти пятьдесятъ семействъ къ оной принадлежали.

Сіе великое приращеніе особенно ускорялъ добродѣтельный, ученый и умный Рефор-

манскій проповѣдникъ въ Борнгаузенѣ Дарій; любопытство, а можетъ быть и долгъ званія, или и то и другое заставили его однажды посѣтить собраніе Коллерова. Въ самый шестъ вечеръ Царшинъ говорила съ шolikoю силою и мудростию, что Дарій въ ту же минушу провозгласилъ ее пророчицею и самъ сопричесился къ сектѣ; самъ началъ проповѣдовать Апокалипсисъ, изъясняя его по образу мыслей Коллера и дѣвицы Царшинъ.

До сихъ поръ все шло хорошо; но скоро сашана поселился въ семь украшенномъ и для него пригошовленномъ домѣ. Жена Коллерова до того времени была вѣрная послѣдовательница своего мужа; но когда Царшинъ явилась и Коллеръ, молодой мущина, началъ ласкать сію прекрасную дѣвушку, выхвалялъ ее превыше всѣхъ, а она съ своей стороны также на то отвѣщивовала ему не одною только вѣжливостию; черная ревность закипѣла въ сердцѣ сей старой жены; пророчества дѣвицы Царшинъ она огласила обманомъ, всѣми силами старалась разрушить собранія, грозила мужу, грозила возставитъ прошивъ него небо и землю: но все было тщешно, тѣмъ болѣе, что оба сына ея были преданы системѣ Коллеровой.

Духъ мечпанія между шѣмъ возраспалъ и укрѣплался. Дѣвица Царпинъ начала возвѣщати сама о себѣ, что она есть жена, облеченная въ солнце, что она опъ сѣмени Давидова, равно какъ и Коллеръ; что Коллеръ и она были послѣдніе свидѣтели, что, что, — множество подобныхъ небылицъ. Какъ вы думаете, любезные читатели? Вѣрили ли сему разумные люди? — Пасторъ Дарій и Оеобальдъ по несчастію были въ шомъ несомнѣнно увѣрены, шѣмъ еще болѣе прочіе непросвѣщенные люди. Но все сіе сколько нибудь еще извинительно по преклонности людей къ самымъ грубымъ заблужденіямъ. Вотъ что уже непонятно и ужасно! Дѣвица Царпинъ скоро объявила честную и добрую жену Коллерову Вавилонскою любодѣйцею; и каждый далъ сему вѣру. Заключение ея между чепырехъ спѣвъ; поснупали съ нею жестоко; сыновья ея должны были сами ходить къ ней проклипати ея, обрепати на горѣніе въ езерѣ жупельномъ, и всѣ опвѣчали на шо рукоплесканіями. Сколь сіе ни ужасно, но есть суцая правда. Наконецъ жена Коллерова сошла съ ума, и послѣ шого не долго жила; подозрѣніе о ея умерщвленіи да представится Испытующему сердца и ушрѣбы!

Сердце мое принуждаетъ меня сдѣлать здѣсь замѣчаніе. Чинашели, все относящееся до Религіи называющіе мечшаниемъ и всякаго благомыслящаго, чшущаго Религію Іисуса Христа, Піенисномъ! воздержишесь отъ смѣха при сей ужасной повѣсти, не веселишесь и по любимому вашему обыкновенію не указывайте на меня пальцомъ! Если сія секша слишкомъ далеко отошла отъ средней спези въ право, то вы споль же далеко отходите въ лѣво, и не мните, что жребій вашъ будетъ лучше и легче. Въ великомъ числѣ шѣхъ, которыхъ вы называете Піенисшами, при всѣхъ ихъ слабостяхъ, есть люди благороднѣйшіе, добродѣтельнѣйшіе; не шумите, но испытайте основательно и безпристрастно, и если сего не найдете, назовите тогда меня обманщикомъ, или какъ вамъ угодно. Я могу засвидѣтельствовать вамъ предъ Вездѣсущимъ, что шѣ, коихъ вы называете Піенисшами, болшею частію не лицемеры, но люди, во глубинѣ сердца ищущіе искренно измѣненія во благое.

Другіе чинашели мои можетъ быть и сами суть такъ называемые Піенисшы; и имъ я скажу слова два при. Они могутъ подумать, что я, открывая споль явно заблужденія мечшашелей, оскорбляю шѣмъ Религію

и людей достопочтенныхъ; но они весьма ошибаются. Нѣтъ ничего пагубнѣе, какъ подъ видомъ святости пворить мерзость; мѣръ спавилъ сѣи злодѣянїя на счетъ всѣхъ истинныхъ Христїанъ, и посредствомъ того Религія, священнѣйшїй изъ всѣхъ завѣсовъ Божїихъ, Религія, въ наши опасныя времена наиболѣе требующая подпоры, обращается въ поруганїе. Воспомнимъ о шѣхъ соглядатаяхъ, копорыхъ Моисей посылалъ въ Обѣщованную землю, и о шѣхъ великихъ бѣдствїяхъ, копорыя они навлекли на народъ Израильскїй. Сїмъ соглядатаямъ можно уподобить мечшашелей, коихъ я въ сей книгѣ описываю.

Теперь, когда всѣ ищутъ и алчутъ истины и всѣ о ней сумнѣваются, шеперь все ложное должно быть отдѣлено отъ Христїанства, и Религія должна быть представлена въ правомъ свѣтѣ, дабы плевелы не были считаемы пшеницею, и все непошребное было бы испоргнуто и извержено.

Но я возвращаюсь къ своей повѣсти, По смерти жены Коллеровой онъ женился на дѣвицѣ Царпинѣ. По мнѣнїю сей шолпы мечшашелей, любодвица Вавилонская была осуждена, и ничто уже не могло препяшшвовать явленїю славнаго Царствїя. Разосланы миссіонеры благовѣспїшь сїю радостную перемѣну;

множество людей, какъ по чинашели видѣли изъ предыдущаго, были приуготовлены къ сему важному происшествію; оно представлялось въ споль ощушительныхъ, пріятныхъ краскахъ, что рукоплесканія раздавались по всей Германіи, Голландіи, Англійи и даже въ сѣверныхъ спранахъ. Коллеръ получалъ великія суммы для общепользнаго употребленія; всѣ только ожидали, всѣ въ оба смотрѣли, гдѣ опкроется новый Іерусалимъ, куда всѣ полагали собираться.

Коллеръ, видя шаковое дѣйствіе своего ученія, предпринялъ исполнить важное предначертаніе. Предсказанія новой жены его спали имѣшь значеніе опредѣлительнѣйшее; онъ началъ дѣйствовать во мракѣ.

Герцогъ . . . былъ Государь шого мѣста, гдѣ онъ жилъ, и Капюлическаго исповѣданія; Король . . . былъ покровитель Протестантскихъ его подданныхъ. Коллеръ сначала спарался склонить на свою сторону Министровъ обоихъ Дворовъ, и на шо вѣрояшно употребилъ знашную часшь присланныхъ ему денегъ. Герцогу онъ не могъ и не смѣлъ предспавить ничего новаго въ Религіи, и выдавалъ, что хочешь основать новый городъ и въ немъ завести пользные фабрики; но при Королевскомъ Дворѣ, съ планомъ о заведеніи

города и фабрикъ , онъ возвѣспилъ , что въ семь новомъ городѣ онъ намѣренъ вмѣстѣ съ едѣлашь опытъ просвѣщенїйшей и совершеннѣйшей Религїи. Предложенїе сїе однакожь извѣстно было полько Министру , который благоприятствовалъ Коллеру. Есльли бы оно дошло до свѣдѣнїя самаго Короля ; то безъ сомнѣнїя было бы пошчасъ опвергнуто.

Когда все наилучшимъ образомъ во мракѣ было успироено , Г-жа Коллеръ торжественно возвѣспила , что Борнгаузенъ по испеченїи придицати дней провалился ; ибо сей городъ былъ ею признанъ Вавилономъ , маперїю всѣхъ любодѣянїи и мерзосней. Распроспранїлся вездѣ страхъ и ужасъ ; многіе послѣдователи Коллера прїугошовились въ пущь ; пророчица говорила : изыди , народъ мой ! изъ Вавилона , дабы и тебя не постигли казни его. Въ назначенный день всѣ почти жищели выбѣжали изъ города ; но Борнгаузенъ оспался на своемъ мѣстѣ. Г-жа Коллеръ оправдала свое пророчество уподобленїемъ сего городка Ниневїи , которая во времена Юнины пощажена за раскаянїе жищелей.

Она наконецъ родила сына. Буйные мечтатели пощмали сего ребенка Мессїею. Не лзя описать , до какого безумїя проспиралось благоговѣнїе къ сему мальчику ; но онъ

скоро умеръ, и на общее оцъ сего изумленіе былъ одинъ отвѣсть: младенецъ восхищенъ къ Богу и къ прешолу Его.

Не смолря на шо, что Борнгаузенъ не провадился, но напрошивъ того еще болѣе процвѣшала и благоденствовала, послѣдова- шелямъ Коллеровымъ спало скучно жить въ семь Вавилонѣ. И во снѣ и на яву они шолько и мечшали объ основаніи новаго Иерусалима. Коллеръ избралъ для того мѣсто своего рож- денія, деревню, кошорую опнынѣ я буду на- зывать Иерусалимомъ. Сіе уединенное селеніе лежишь на возвышенной дощинѣ, окружено лѣсомъ, лугами и ручьями, — во всѣхъ отно- шеніяхъ весьма пріянное жилище.

Коллеръ выпроилъ шамъ себѣ прекра- сный домъ, и въ короткое время болѣе шрид- цапи богашыхъ купеческихъ семействъ къ не- му шуда переселились. Все вокругъ зашумѣло, всѣ заговорили, что новый Иерусалимъ возни- каешъ; всѣ обрашили вниманіе на сіе новое явленіе; шпекались шуда люди разнаго рода и званія. Ешншли бы Коллеръ имѣлъ искусство одѣшь получше волка овечью кожей; шо за- веденіе сіе могло бы подлинно сдѣлаться важ- нымъ. Но онъ скоро оскалилъ зубы, хопя при всемъ шомъ въ шеченіе нѣсколькихъ лѣшъ и шпроеніе и число жителей возрастали, штакъ

что напослѣдокъ вышелъ изъ всего того изрядный городокъ.

Пушями, кои Коллеръ споль искусно умѣлъ пролагать себѣ, дошелъ онъ до того, что данъ ему чинъ Королевскаго Тайнаго Совѣтника, а новому его городу дарована совершенная свобода въ вѣроисповѣдованіи.

Сверхъ того получилъ еще для города разныя права, поередшвомъ копорыхъ сей новый Иерусалимъ не только былъ причтенъ къ числу городовъ, но имѣлъ и нѣкопорый источникъ доходовъ. Коллеръ учредилъ тамъ Магистратъ и Радушу. Выстроена также деревянная церковь; проповѣдникъ Дарій былъ первымъ Пасторомъ, а добрый Докторъ Тео-бальдъ врачомъ съ порядочнымъ содержаніемъ. Оба они всушили въ свои должности съ радостію; и всякъ легко мнѣ въ томъ повѣришь, вспомнивъ, что они оба, мѣсто, куда переселялись, считали истиннымъ новымъ Иерусалимомъ.

Надобно вкратцѣ разсказать, какъ Коллеръ въ семь своемъ новомъ Иерусалимѣ домо-строительствовалъ. Всѣ последователи его видѣли въ немъ образъ предшавителя самаго Бога; считали его мужемъ божественнымъ, достойнымъ поклоненія; на же честь воздаваема была и женѣ его, копорая въ велико-

дѣлномъ убранствѣ въ першезѣ носима была въ церковь, гдѣ усироено было возвышенное, пунцовымъ бархатомъ съ золотомъ обипое мѣсто. Тушь обыкиновенно сія благословенная чепа возсѣдала. Предъ симъ мѣстомъ или трономъ, шакъ однакожь, что голова едва только до ногъ доходила, спояль спуль для городского головы; по лѣвую сторону была кафедра.

Все сіе видѣль я собственными глазами, и увѣряю, что все эшо правда.

Легко себѣ можно представить, что ни одинъ Монархъ совершеннымъ самовластіемъ не могъ сравниться съ Коллеромъ. Магистратъ безъ него не смѣль спунишь шага; никшо бы ему и не посовѣшоваль дѣйствовашь иначе. Пасторъ съ Консисторією былъ въ такой же зависимости; и всѣ безъ ропота и съ удовольствіемъ повиновались по увѣренности въ высококъ достоинствѣ Коллера: кшо овладѣешь сердцами и совѣстію, тошъ самаго неприсшупнаго Могода самовластнѣе, а ешп-ли захочешь, шо пойдешь и далѣе.

Текстъ на каждую проповѣдь Пасторъ долженъ былъ шребовашь отъ Коллера; ибо онъ одинъ зналъ, что могло служить ко благу его народа. Имя всякому новорожденному давала жена Коллерова; ибо она не прешавала

еще бышь въ общемъ мнѣнїи прорицалищемъ ; къ прорицалищу сему по временамъ прибѣгаль и самъ Коллеръ , хотя безъ сомнѣнїя часпо онъ подкуцаль его , а иногда играль имъ , какъ шашкою . Какъ Паспоръ Дарїй могъ бышь споль долго въ ослѣпленїи , не понимаю ; ибо , когда у жены Коллеровой онъ спрашиваль , какое имя дашь новорожденному , она хотя всегда имена заимствовала изъ Библии , но , не зная никакихъ иностранныхъ языковъ , часпо ошибалась , переворачивала имена на изнанку . Не могъ ли Паспоръ шущъ примѣшивъ обмана ? Легко могъ ; но и онъ и всѣ были въ зашмѣнїи .

Чишапели конечно удивяшся , что Паспоръ Бозіусъ досель молчашъ . Нѣшъ , онъ не молчаль ; но всѣ его увѣщанїя были безплодны ; шщешны были и всѣ опеческіе совѣшы Блондовы . Они оба молили Сеобальда и Сусанну не приспавашъ къ симъ Коллерїанцамъ ; все было безъ пользы , опъ шого они оба наконецъ замолчали и мыслили : Кшо не внемлешъ совѣщамъ , шощъ долженъ ихъ восчувшвовашъ ; ошшъ , который висѣль уже надъ ихъ головами , и спрашнымъ образомъ на нихъ обрушилсѣ .

КНИГА ВТОРАЯ.

Сколько общество въ новомъ Иерусалимѣ ни было малочисленно, не смотря на то къ Дарію призывали еще двухъ Пасторовъ; оба они были друзья Коллеровы и его духа. Одинъ изъ нихъ былъ человекъ добрый, по имени Даксъ; другой, самый обдержанный злодѣй, какой когда-либо являлся модь солнцемъ. Повѣсть оправдываетъ сіе изъясненіе; назовемъ его Шлейжеромъ, чтобы скрыть настоящее его имя: я лично еще зналъ его.

До сихъ поръ все шло изрядно. Городъ успроивался, со всѣхъ сторонъ присылаемы были значительныя суммы, такъ что Коллеру было и что и на что издерживать. Фабрики и торговля производились также съ успѣхомъ. Но не смотря на все сіе, благо-разумные люди возымѣли сомнѣніе; ибо Коллеръ не умѣлъ поддерживать своей роли, всякой день проводилъ въ буйствѣ и въ пьянствѣ, и спалъ наконецъ какъ селець упи-паный. Крѣпкія вина дали его лицу цвѣтъ сине-багровой, такъ что въ немъ не было и лиши святаго человека, по крайней мѣрѣ по мнѣнію Піепишювъ, которые впрочемъ не

безъ основанія /считаютъ презвостъ и умѣренность первыми качествами Христіянина. Не имѣлъ онъ также и важности набожнаго мечшашеля, наконецъ не умѣлъ играть и роли лицемѣра; ибо часно въ запальчивости онъ даже дѣлалъ жестокости. Жена его вообще была искусѣе, скромнѣе въ обманѣ и подкрѣпляла общее къ себѣ уваженіе.

Въ подражаніе любви первыхъ Христіянъ, учреждены были сначала общественыя трапезы, на коихъ всегда бывали Коллеръ съ женою и значнѣйшіе сей секцы послѣдователи. Трапезы сіи многимъ уже были въ шягость, но все еще происходило безъ дальняго соблазна. Наконецъ мѣра исполнилась; Пасторъ Шлейхеръ все испортилъ; онъ былъ въ вышней степени Фарисей; но въ дружескомъ кругу, и особливо пьяный, выказывалъ себя, какъ былъ, извергомъ. Онъ началъ вводить при сихъ трапезахъ нѣкоторыя обряды, которые всегда заключали что-либо смѣшное и непристойное. Коллеръ имѣлъ двухъ дочерей, названныхъ чадами свѣща и бывшихъ въ большомъ почтеніи. Выдумки Шлейхеровы на нихъ обратились. Я могу предсавить свидѣтелей, которые докажутъ, что иногда онъ приказывалъ варить дѣтскую кашу, и дочери Коллеровы всѣмъ госпямъ обмазывали

ею губы : — одинъ послѣ другаго садился на стуль , грудь закрывалась салфешкою , и дѣти сіи каждому намыливали кашею бороду. Ешьли сіе кому - либо казалось спраннымъ , Шлейхеръ говорилъ съ видомъ святости : Подъ покровомъ сихъ дѣтскихъ игрушекъ шаятся глубокія шайнспва. — Но лучше закрывъ всѣ сіи мерзоспи завѣсою ; въ доказательство довольно и сказаннаго. Удаляющіеся отъ истины наказуются ослѣвленіемъ разума , и не возвращаются уже къ горѣ свяшой.

По мѣрѣ , какъ Шлейхеръ вводилъ такое безуміе , а Коллеръ и жена его не имѣли сколько искусства , чтобы остановить его , городъ опомнился , глаза открылись. Паспоръ Дарій и Феобальдъ первые усмотрѣли шайну буйства ; многіе граждане и купцы къ нимъ вшайнѣ присоединились ; возникло роптаніе , которое вскорѣ распространилось по всей Европѣ , гдѣ только были послѣдователи , и скоро присылки денегъ пресшали , а вмѣстѣ съ шѣмъ и весь кредитъ рушился.

Пошомъ скоро нѣкоторые жилиши начали отшолѣ переселяться , другіе шо же предполагали ; но сіе взяло худой для нихъ оборотъ : у нихъ было удерживаемо ихъ имущество ; не давали имъ обыкновенныхъ отъ прихода свидѣтельствъ ; обвиняли ихъ въ вели-

кихъ порокахъ, такъ, что большая часть изъ нихъ обѣднѣли, были презираемы, скипались нищими. Примѣръ сей утѣрашилъ прочихъ, они оспались; но никто уже болѣе не приходилъ на жишье въ новый Иерусалимъ: онъ сдѣлался весьма незначущимъ мѣстечкомъ.

Послѣ сего предварительнаго утѣдомленія переходу я къ той части своей повѣсти, которая чашеелей моихъ приведеть въ ужась. Пасторъ Дарій былъ обманушь, равно какъ и Докторъ Эобальдъ; но сами они не были обманчики. Однажды Эобальдъ и Сусанна въ ясный день послѣ обѣда пошли прогуливаньяся; оба они были задумчивы, въ грустномъ размышленіи; рука объ руку они проходили поле, не говоря ни слова, ибо заблужденія ихъ, какъ тучи, предъ ними носились; недо-спавало здѣсь шолько шакого человѣка, каковъ былъ Бозіусъ, чтобы огонь, какъ молнію, возжечь въ ихъ сердцахъ.

Наконецъ зашли они въ густую рощу, услышали шорохъ, остановились и ожидали, кто къ нимъ явится; къ удивленію ихъ явился Пасторъ Дарій съ заплаканными глазами, можешь бышь послѣ горячей къ Богу молитвы. У Эобальда сердце забилось: онъ чувствовалъ, что оно бьется согласно съ серд-

цемъ Пастора. Глаза его также наполнились слезами; въ смущеніи онъ говорилъ: Ахъ! Г-нъ Пасторъ! до чего мы дожили? — Они другъ ко другу пали въ объятія. Да! отвѣчаль Дарій, сощема сердце. Потомъ они ободрились и продолжали вмѣстѣ прогулку. Разговоръ ихъ при семъ случаѣ я заимствую изъ записной книжки Теобальдовой.

Теобальдъ. Съ нѣкотораго времени я при-мѣчаю, что Коллеръ обманщикъ, а жена его лжепророчица.

Дарій. Я то же вижу, и нахожусь въ великомъ недоумѣніи, что предпринять. Конечно я долженъ опказаться опъ мѣста, лишиться дневнаго пропитанія. Я чувствую, что долженъ пожертвовать всѣмъ временнымъ благополучіемъ, да обрящу небесное, вѣчное благо; но сіе стоить мнѣ кроваваго поща; легко говоришься, не скоро дѣлается.

Теобальдъ. Рѣшившись на сіе однакожь должно, и должно немедленно: мы должны удалиться изъ сего Содома, дабы не погибнуть душою и тѣломъ.

Дарій. Великій Боже! какъ могъ я дойти до такого ослѣпленія! Какъ могъ опклониться опъ прямого, пряснаго Евангельскаго пути истины!

Теобальдъ. Въ отношеніи къ тебѣ все сіе не споль еще спранно, какъ въ отношеніи ко мнѣ. Я, котораго пысяча случаевъ съ самой молодости предосперегали отъ мечпашельства, я даль себя вновѣ обманушь; боюсь, не поздно ли, не слишкомъ ли трудно мнѣ теперь будешь прашь прошивъ рожна.

Сусанна рыдала и говорила: И я это чувствую; цѣлый годъ мнѣ уже кажешся; что мнѣ предспоипъ великое спранствсманіе, что нигдѣ не нахожу я покоя ногамъ своимъ; я снѣдаюсь шоскою, и сама не знаю, куда обрашипъся; часто мнѣ представляешся, что я въ дремучемъ лѣсу, оставлена всѣми людьми, между шѣмъ какъ солнце на закашъ.

Теобальдъ. О Сусанна! замолчи. Всякое слово швое для меня еспъ ударъ, который повергаетъ меня изъ одной пропасши въ другую.

Дарій проливалъ горькія слезы; наконецъ сказаъ, запинаясь: Мы еще живемъ на землѣ; время благодати для насъ еще не преспало; нѣтъ грѣха, который бы не могъ бытъ опущень; и гдѣ же намъ искашь прощенія, какъ не у Того, Кто очищаетъ грѣхи міра? Падемъ здѣсь подъ симъ свѣшлымъ небомъ на колѣна, и не возшанемъ, доколѣ не примемъ ушъшенія.

Съ сими словами старецъ палъ на колѣна; ему было около 65 лѣтъ; Эгобальдъ и Сузанна послѣдовали его примѣру. Кто слыхалъ проповѣди Пасшора Дарія, кто знаетъ силу его въ духъ и въ словъ, шощъ можешъ составишь себѣ понятіе о сей моливѣ. Съ часъ они, стоя на колѣнахъ, молились: Слеза изъ глазъ ихъ за слезою капилась; вздыханіе за вздыханіемъ слѣдовало; наконецъ они возспали, подкрѣпленные, ушѣщенные; но предприняли шущъ же швердое намѣреніе объявишь войну мечшашелямъ; чего бы шощъ имъ ни спойло.

Въ слѣдующее воскресеніе по утру Дарій долженъ былъ говоритъ проповѣдь. Коллеръ, жена его, весь Магиспратъ; большая часнѣ гражданъ и много чужихъ находились въ церкви; ибо когда Дарій проповѣдовалъ, слушателей всегда было множество. Взошедши на кафедру и сказавъ обыкновенное всшупленіе, онъ обратился къ Коллеру; просперъ къ нему руку и сильнымъ голосомъ сказаъ: Ты извѣщенъ, и вѣсу въ шебѣ не найдено.

Пощомъ онъ изъяснилъ свои понятія о вѣрѣ, и съ горькими слезами обнажалъ Коллеровы мерзости; въ лице ему говорилъ, что онъ Аншихристъ въ маломъ видѣ, и что ни кто еще ошѣ сошборенія міра не ругался

шакъ, какъ онъ, надъ Словомъ Божиимъ и надъ опшкровеніемъ С. Ісанна. Заклучилъ пламенною молишвою, да умилосердился Богъ Христа ради надъ заблуждшими овцами, да возвратиши ихъ ко испишю и проч.

Легко можно себѣ представиши удивленіе съ одной стороны и ярость съ другой. Какъ только проповѣдь кончилась, депуташы опъ Магисспраша пришли, опечашали все имущество Пастора Дарія, и къ дверямъ его приспавили спражу. Но онъ не унывалъ; онъ былъ уже вношь на правомъ пупи, вношь имѣлъ споккойсшвіе совѣспи, споль долго для него чуждое. Какъ бы кто ни былъ доволенъ въ мечшаніи, но сіе чувспшованіе, въ сравненіи съ ошущеніемъ мира Божіяго, естъ ничто; миръ Божій превосходитъ всякій разумъ, не сполько всякое мечшаніе.

Общество раздѣлилось на двѣ часпи; благомыслящіе держали спорону Пастора, — между ими находились и Докторъ и жена его; Сеобальдъ дерзнулъ даже въ ясный полдень посѣспиши заключеннаго, и спвободно, явно говорилъ съ нимъ о Коллерѣ, какъ о великомъ обманщикѣ, за шо однако же и къ нему приспавлена спража. Прочіе благомыслящіе были боязливѣе, но вшайнѣ собирались для совѣщаній.

Естьли бы я не могъ предсавить въ свидѣтели жшелей всѣхъ шамощныхъ окреспныхъ спранъ ; то никшо бы не повѣрилъ мнѣ въ слѣдующемъ :

На другое Воскресенье долженъ былъ говорить проповѣдь Шлейхеръ. Онъ съ совершенною личиною свяшощи взощель на каедру ; въ шоржеспвенной осанкѣ и въ лицемѣрїи никшо не могъ съ нимъ сравниться ; онъ умѣлъ плѣнить всякаго , съ кѣмъ ни обходился ; шущъ явился съ печальнымъ , важнымъ видомъ ; молился съ великою горячностїю , да опвращилъ Богъ опасностъ , восходящую надъ народомъ Его и надъ Его помазанникомъ ; попомъ началъ доказывать самымъ удощповѣрительнымъ образомъ , что поущенїемъ Божїимъ мрачныя силы чародѣйшвенныя изведены для испыщанїа народа Господня ; что сашана вощель въ Пасшора Дарїа , и онъ сдѣлался великимъ чародѣемъ ; что онъ самъ на шой недѣлѣ ночью при лунномъ сїянїи видѣлъ его съ презубцемъ въ рукѣ на шрубѣ шакого - що дома , и проч.

Не лзя описать впечатлѣнїя , какое произвела сїя проповѣдь надъ шполь суевѣрною и фанатическою шолцою. Всѣ шрещепали ; всѣ , кромѣ послѣдовашелей Дарїа , вѣрили сей пошшудной клеветѣ , и никшо не осмѣдвалось

вечеромъ и ночью показаться на улицѣ. Шлейхеръ восхищался, что такъ хорошо удалась ему злая выдумка, и съ помощію Коллера и жены его продолжалъ свои вымыслы. Спали обвинять и Феобальда, что и онъ чародѣй, начали за нимъ присматривать еще строже; высылали на улицы переодѣтыхъ въ спрашныя виды людей, которые особенно бродили около домовъ Пастора Дарія и Феобальда; одинъ изъ сихъ заказныхъ домовыхъ убилъ изъ ружья, и его шайно съ рогами и со всѣмъ нарядомъ упрятали; изъ всѣхъ оконъ спрѣляли; вездѣ жгли сѣру единственно по той причинѣ, чтобы бѣдную чернь содержать въ страхъ и ужасъ; наконецъ глупость и буйство дошли до того, что велѣли обмыть весь городъ, и все, что къ нему принадлежало; и въ одинъ день всѣ дома съ верху до низу, снаружи и внутри были вымыты; все платье, холстинное, бумажное, шелковое, шерстяное, было положено въ воду; вся зелень въ огородахъ была срѣзана и выброшена; изъ колодезь вода вычерпана; ибо Шлейхеръ, великій учитель, увѣрялъ, что Даріемъ и Феобальдомъ все заражено и все очаровано. Все сіе Шлейхеръ, сообразно съ своимъ планомъ, выдумалъ и успроилъ, такъ, что и самъ Адрамелехъ не могъ бы лучше сего ис-

полнишь. Весь народъ былъ симъ до такой степени удостоверень, что конечно были бы готовы утвердить все видѣнное присягою, ежели бы въ ней была нужда.

Но всего ужаснѣе, всего невѣроятнѣе для всякаго, хоща одну искру чувства имѣющаго, есть то, что Шлейхеръ для совершенія своего плана пожертвовалъ собственною своею кровію, родныхъ своимъ сыномъ; юноша сей былъ скудоумень, но не совсѣмъ лишенъ здраваго смысла. Дарій любилъ его за простосердечіе, и позволилъ ему приходиль къ себѣ; отецъ употребилъ сіе поводомъ къ разглашенію, что и сынъ его научился у Дарія и у Особальда чародѣйству. Всѣ, кто только былъ расположенъ дасть вѣру нелѣпостямъ, всѣ сему вѣрили; ибо всякой мыслить: какой отецъ что нибудь подобное выдумаетъ на сына! конечно это правда; — и Шлейхеръ за сіе злодѣйство прослылъ еще свидѣтелемъ истины, не пощадившимъ собственного своего сына для общаго блага.

Побои, пышка, угрозы, обѣщанія заставили бѣднаго молодаго Шлейхера согласиться на все, чего отъ него ни требовали и ни спрашивали. Въ домѣ опцовскомъ онъ сидѣлъ въ погребу въ цѣпяхъ; часто и долго былъ допрашиваемъ; говорилъ, что хощѣди, ужа-

сныя вещи, которыя ошь слова до слова и съ прибавленіемъ были записываемы въ про- шоколь. Между шѣмъ Коллеръ старался ус- проишь все предъ правительствомъ, и какъ все было приспособлено, то началась траге- дія. Нѣкто великодушный человекъ предувѣ- домилъ вшайнѣ о сень Дарія; онъ выскочилъ къ окну, бѣжалъ; черезъ часъ пришла коман- да съ повелѣніемъ взять сего добраго и че- стнаго старца. Какъ скоро увидѣли, что цѣцца улетѣла, все бросилось на Оеобальда; никто не остерегъ его, потому, что никто не воображалъ, что и его на же участь ожи- дала.

И такъ Докторъ Оеобальдъ, какъ вели- кій чародѣй, заключенъ былъ въ оковы, и на шелѣгъ отвезенъ въ столичный городъ. Во второй разъ въ его жизнь, шамъ посадили его на хлѣбъ и на воду въ шемницѣ, для раз- бойниковъ назначенной; Сусанна оставалась дома, переходила ошь спраданія къ спраданію. Объявлено, что Дарія всякой могъ убить ненаказанно; но онъ находился въ опасности: прибѣгнувъ къ знаменишой Республикѣ, гдѣ по собственному побужденію предъ многочи- сленнымъ обществомъ исповѣдалъ шоржесшвен- но грѣхъ свой и вновь сопричисленъ къ цер- кви. Тамъ онъ жилъ, какъ честный гражда-

нинъ, но не принималъ уже на себя званія проповѣдника; считалъ себя недостоиннымъ его, и скоро за шѣмъ благочестиво скончался.

Чишашели съ шрудомъ повѣряшъ, что сіе происшествіе могло случиться въ восьмомъ-надесяти столѣтіи; но я увѣряю всѣхъ и каждаго, что оно точно такъ было въ половинѣ прошедшаго вѣка. Спранное содержаніе подъ спраженію Доктора Феобальда и бѣгство Пастора Дарія всѣхъ удивляло; но еще болѣе всѣ удивлялись тому, что мѣстное Правительство предало такое дѣло суду уголовному; между шѣмъ всякъ о себѣ шолько думалъ, не забѣшась о семъ дѣлѣ. Г-нъ Блондъ, опецъ Сусанны, самъ оправился въ шодичный городъ; но не шопря на всѣ его шпанія, ни въ чемъ не успѣлъ. Ласкали его обѣщаніями, обнадеживаніемъ; пожимали плечами, морщили лбы, совѣшовали принесть прозьбу самому Государю, который былъ въ опдаленности и проч. и проч., а добрый Докторъ между шѣмъ шомился въ шемницѣ; добрые люди доставляли ему пищу; всякой считалъ его невиннымъ, и многіе присылали ему пособія. Блондъ принужденъ былъ уѣхать, взялъ съ собою несчастную дочь свою съ ея шремя дѣшми, далъ имъ все нужное, защищалъ и ушѣшалъ ихъ.

Блондъ наконецъ рѣшился ѣхать къ Герцогу, но не былъ допущенъ къ сему доброду Князю, который не зналъ ни слова о семъ происшествіи. Тѣмъ не менѣе онъ былъ осыпанъ учтивостями, обѣщаніями, и возвратился по крайней мѣрѣ съ пріятною надеждою.

Феобальдъ писалъ жалосное письмо къ посѣдѣвшимъ, престарѣлымъ своимъ родителямъ; но и они чѣмъ инымъ могли помочь ему, кромѣ соболѣзнованія и словъ утѣшительныхъ? Дядя его, Баронъ Виршенъ, давно уже скончался; можешь быть онъ и былъ бы ему полезенъ. И пакъ бѣдный Докшоръ въ шемницѣ ни околдѣ не видѣлъ помощи; со дня на день, съ недѣли на недѣлю, съ мѣсяца до мѣсяца ожидалъ онъ освобожденія, но тщетно; многократно просилъ о допросѣ, также все тщетно; онъ былъ всѣми оставленъ, никто о немъ и не мыслить.

Не уже ли у него не было спрятчаго? Былъ, но и пошъ нинего не могъ сдѣлать.

Между тѣмъ благочестивый Паспоръ Бозиусъ услышалъ все сіе происшествіе, и хотя прежнія его увѣщанія пошли по вѣтру, не взирая на шо, онъ предпринялъ со всѣмъ усердіемъ пещись объ измѣненіи жалосной участи спараго друга, прибылъ въ столицу и посѣтилъ Феобальда въ шемницѣ. Нашель

его, какъ легко можно себѣ представить, въ глубочайшей печали, въ цѣпяхъ, прикованнаго къ колодкѣ, между чепырехъ мрачныхъ стѣнъ, въ шрепьемъ жильѣ дома, куда чрезъ малое отверстіе съ желѣзною рѣшеткою солнце унывно едва проглядывало. Посрединѣ сего горестнаго жилища споялъ изломанный споль и спуль; вездѣ было печальное безмолвіе. Неволяникъ, блѣдный, изнуренный, подобный издыхающему, копорый чувспвуешь приближеніе вѣчности, пошевелился, и оковы загремѣли. Въ такомъ положеніи нашель его великодушный Бозиусъ, вступивши въ узилще. И онъ и предъ нимъ Феобальдъ неподвижно спояли; оба въ изумленіи другъ на друга глядѣли; у обоихъ пошекли слезы ручьями; оба кинулись одинъ къ другому въ объятія,

„Бѣдный другъ!“

Ангель Божій!

Послѣ сего Бозиусъ, пристѣвъ на спуль, далъ слезамъ вольный шокъ, а Феобальдъ бросился на свою солому съ неподвижными очами.

Бозиусъ. Не уже ли злоба человѣческая можеть споль далеко проспираться?

Феобальдъ. Но возможно ли также споль слѣпо вдашься къ обманъ, какъ я обманушь? — Какъ ты спарался, великодушный другъ! предосперечь и наспавишь меня прежде супру-

жества? И не взирая на то, по одной спра-
спии къ чудесному, къ мечпашельству, я вновь
содѣлался рабомъ духа злобы.

Безіусъ. Ты говоришь справедливо; едва
я могу себѣ это представить; но что не
возможно для разума и сердца человѣческаго?
Они всегда прешыкаются, и часто болѣе по
слабости, нежели по злоумышленію. Ты уви-
дишь, что нынѣшнія твои скорби суть бо-
лѣзни рожденія къ долговременному и посюмя-
ному благополучію.

Оеобальдъ. Но сколь тяжостны сіи скорби!

Безіусъ. Всякое наказаніе, когда оно по-
спигаешь, исполняешь насъ сѣшования. Ты
можешь теперь научишься хорошо молишься,
шакъ, что сіе принесетъ тебѣ плодъ на всю
твою жизнь; и я увѣряю тебя, что болѣе
ничего тебѣ и не нужно. Молись съ утра до
вечера, и съ вечера до утра; не думай ни о
чемъ, кромѣ Бога; принуждай себя къ шако-
вой непрестанной молитвѣ; начало будешь
для тебя шрудно, потомъ спанецъ легче, и
ты увидишь, какое благословеніе оидетъ отъ
сего на твою сердце. Когда же ты будешь
размышлять шолько о грѣховной своей бѣд-
ности; то сія горькая мысль узвипъ твою
душу; горестъ твоя будешь болѣе и болѣе
увеличивашься, и ты подвергнешься опасно-

спи изсохнушь духомъ, неумирающей червь поселился въ твоемъ сердцѣ; но и въ сей болѣзни лучшее врачевство есть также непрестанная молитва.

Феобальдъ, не смотря на всѣ свои сраданія, улыбнулся при семъ словъ: неумирающей червь; знаменованіе онаго представилось ему столь разительнымъ, что онъ не могъ скрыть удовольствія. Сіе самое привело его къ заключенію, что слогъ Библейскій по самому своему богатству, что онъ восточный, и. е. иносказательный.

Бозіусъ. Ты не ошибаешься; выраженія: возрожденіе, свѣтъ, лоза виноградная, овца, заключающъ въ себѣ смыслъ столь обширный, что о каждомъ изъ сихъ предметовъ могутъ быть исписаны топы. Но простой, чистый разумъ объемлетъ все въ совокупности, и ему потребно одно воззрѣніе. О, если бы вспомнили о семъ нынѣшніе наши холодные просвѣщенные! Они желаютъ развивать сокровенныя прищипы, и красятъ ихъ только водяными красками.

Феобальдъ. Доколѣ ощущеніе, чувство, имѣетъ столько же участія въ Религіи, какъ и разумъ, доколѣ необходимо нужно нагую истину одѣвать образами, заимствуемыми изъ природы; истина въ семъ одѣяніи плѣ-

нишельнѣе, производишь болѣе впечатлѣнія и изясняется крашко.

Бозиусъ. Подлинно такъ! Какое на примѣръ выраженіе можешь сравниться съ слѣдующимъ, когда Пророкъ говоришь: *Онъ (Иегова) сядетъ разваря, и очищая очиститъ сыны Левиты:* Малах. III, 3. Нично не можешь бышь поразительнѣе сравненія скорбей и гоненій съ горниломъ, или лучше сказать съ расплощеніемъ и очищеніемъ серебра.

Обобальдъ. Я сіе чувствую въ полной мѣрѣ. Я почто нахожусь нынѣ въ горнилѣ, и нѣкогорыя священные пѣсни подобнаго содержания не однажды уже упѣшали меня въ семь узилицъ.

Бозиусъ. Я не могу нынѣ вспомнить ни одной подобной пѣсни: Не лучше ли твоя намѣять?

Обобальдъ. Вотъ одна; сочиненная Докторомъ Рихперомъ.

Золото мое въ скорбяхъ расплощися.
Крестъ пещь моя; сердце металлъ; гримъсь —
похошь плоти; дѣлатель — другъ мой; спрэданаія — пламя. Золото мое преидеть чрезъ
огонь и въ горнилѣ своемъ пребудеть чисто
и свѣшло. Тогда духъ мой взыграетъ радостію
и плодъ принесетъ. Лучъ небесный про
ийкнетъ смыслъ его. Мудрость явишся въ див-

ныхъ цвѣтахъ своихъ; сердце возсіяетъ, какъ драгоценнѣйшій камень; духъ мой одѣнешся свѣтомъ.

Возіусъ. Теперь и я вспомнилъ; пѣснь въ самомъ дѣлѣ прекрасная! Но шось только хорошо ее понимаешь, кпо умѣешь очищать серебро и золото. Чувствуешь ли ты сію истину? Спраждуцій обыкновенно окруженъ мракомъ, и не скоро зришь въ свѣтѣ радости великую пользу креста.

Геобальдъ. Не всегда я чувствую сію великую истину. Когда представляюся мнѣ жена и дѣти, когда я воображаю, какія кровавыя слезы они въ шоскѣ и страхѣ проливаютъ; когда вижу ихъ изсохшихъ, блѣдныхъ, подобно швнямъ, ошь горести; шогда сердце мое сокрушается; едва я могу воздержаться ошь ропота противъ Бога. Но когда мимо всѣхъ сихъ спраданій на конецъ я взираю, шогда вновь ободряюсь, и вдали зрю злашыя плоды слезнаго моего сѣянія: шогда благо мнѣ. Среди скорби сіе чувство для меня пріятнѣе всѣхъ шумныхъ веселій міра.

Возіусъ. Прекрасно! — Когда же сіи печальныя образы представляются душѣ твоей; возносись шогда духомъ къ Богу, уповай, жди конца, и все обратишься во благо; радуешься; спрадая невинно.

Феобальдъ. Такъ радоваться не лзя мнѣ : я не безвиненъ ; хотя я не чародѣй , и въ семь смель спрадаю безвинно ; но я мечпашель ; а это почти то же , что и чародѣй .

Бозиусъ. Ты судишь слишкомъ строга ; есть много весьма любезныхъ мечпашелей .

Феобальдъ. Но они всегда сродны къ величайшему изступленію ума и сердца , естьли благовременно не опомнятся и не покоряють своихъ чувствъ просвѣщенному разуму . Мнѣ кажется , что не лзя лучше опредѣлить мечпашеля , какъ сими словами : мечпашель есть человекъ , коего разумъ управляется чувствами , что есть совершенная пропывуоложность истинному Христіанину .

Бозиусъ. Весьма справедливо ! Поздравляю тебя , Г-нъ Докторъ ! ты здоровъ .

Феобальдъ. Надѣюсь , что я совершенно выздоровѣю , еслили шолько могу перенестъ врачеваніе .

Бозиусъ. Все перенесешь , другъ мой ! надобно шолько терпѣніе . Дѣйствіе сихъ спрданій послужишь тебѣ во благо ; я тебѣ за то ручаюсь : Божія обѣщанія неложны .

Феобальдъ. Ты несказанно меня утѣшаешь ; сладостный миръ исполняетъ мою душу , и изливаешь даже на шѣло .

Бозіусъ. Не приписывай мнѣ не принадлежащаго; слова мои суть только одѣяніе, въ которое облакается вѣспникъ небесный.

Феобальдъ прислушавшись сего своего друга до такой степени былъ удивленъ, что забылъ почти свое жилище; но оковы звукомъ своимъ напоминали ему о его бѣдствіи, и чело его вновь помрачалось.

Сусанна сначала иногда посѣщала его съ дѣтьми, и приносила ему бѣлье и плащъ; но долговременная скорбь изнурила слабое тѣло ея такъ, что она начала харкать кровью, и чахотка ей угрожала. Когда Феобальдъ сіе свѣдалъ, то мысль лишиться жены исполнила мѣру его горести. Между тѣмъ скончался младшій сынъ его, подававшій о себѣ лестную надежду. Все сіе споль сильно возмущало его душу, что онъ безъ сомнѣнія палъ бы подъ симъ бременемъ, еспли бы Бозіусъ не преславалъ посѣщеніями подкрѣплять и удѣшашъ его. Но сей почтенный мужъ не ограничивался симъ однимъ благодѣяніемъ; онъ вспайнѣ старался о его освобожденіи.

Бозіусъ учился въ Университетѣ съ однимъ молодымъ дворяниномъ и жилъ съ нимъ въ искренней дружбѣ; дворянинъ сей, именемъ Цалитъ, вступилъ потомъ въ службу и былъ въ это время у Герцога . . . Министромъ,

Бозиусъ изъяснилъ ему подробно всю исторію Оеобальдову, и скоро получилъ опъ него опвѣщъ, впрочемъ неупѣшительный. Министръ опвѣчалъ ему, что все дѣло ему извѣстно, но онъ не можетъ ни въ чемъ шупъ бытъ полезенъ; ибо всѣ другіе Министры на сторонѣ Коллера, и общая цѣль состоить въ томъ, чтобы бѣднаго Доктора осудить живаго на сожженіе; что онъ наконецъ и въ Совѣтѣ за шѣмъ давно не присудствуетъ, дабы въ столь жестокомъ поступкѣ не принималъ никакого учасія.

Извѣстіе сіе привело добраго Бозиуса въ страхъ и изумленіе, поразило его; онъ не зналъ, что предпринимать, совершенно шерялся.

Дорого бы онъ заплашилъ за то, чтобы уже никогда не видѣть спрадальца; но шупъ-то и нужно ему было ушѣшеніе. И шакъ онъ къ нему опправился, и дорогою размышлялъ, какимъ образомъ объявить ему сіе спрашное извѣстіе. Но и сей шрудъ былъ бесполезенъ; Оеобальдъ прежде его былъ увѣдомленъ о грозившей ему опасности: враги его не укусили и посшавили себѣ за удовольствіе возвѣснить ему предшоящую гибель.

Положеніе, въ какомъ находился бѣдный Оеобальдъ, было самое жалкое. Всякое ушѣ-

шеніе было щещно; онъ лежалъ на соломѣ недвижимый, и когда вошелъ къ нему Бозіусъ, едва могъ взглянуть на него. Бозіусъ палъ къ нему на выю и зарыдалъ; Оеобальдъ, сколько ни спарался, не могъ пролишь ни одной слезы. Душа его находилась въ сильномъ обуреваніи; вихрь, пищина, хладъ, огонь, одно чувство засшупало мѣшо другаго, и ни одна капля опрады не оживляла испаевающей природы. Положеніе сіе ешь самое ужасное, какое шолько можно себѣ предсшавиль. Добрый Паспоръ не предвидѣлъ здѣсь никакого инаго средшва, кромѣ молишвы; палъ лицомъ на землю, и боролся съ Богомъ, подобно Іакову; поклялся не отшшупашъ, доколѣ нещасный узникъ не получитъ ушѣшенія. Молишва его услышана: Оеобальдъ началъ плакашь; наконецъ слезы полились ручьями изъ глазъ его, и по мѣрѣ шого ему сдѣлалось легче, веселѣе; онъ во всемъ предался волѣ Божіей, пріялъ силу пренесши жесточайшія спраданія.

Между шѣмъ, какъ все сіе происходило, у Блонда никшо ничего не зналъ о семъ происшесшвіи; и Провидѣніе соврашило съ пупи къ сему дому молву, копорая, какъ чудовище Мильшоново, Грѣхъ, во мракѣ ужасной ночи шекла шуда съ сею вѣстію. Свѣшлый лучъ

надежды разсѣялъ грозную пучу: Всемогущій при Дворѣ Г. . . . премѣнилъ все во благо.

Коллеръ и проповѣдникъ его Адрамелехъ Шлейхеръ упошребляли всѣ возможныя средства возвести на костеръ Феобальда. Спращанный приговоръ его къ смерти написанъ былъ на ошарѣ правосудія; не оставалось ничего болѣе, какъ только подписать его Герцогу, который о дѣлѣ совѣмъ ничего еще не вѣдалъ; одинъ изъ Министровъ готовился представить ему сію бумагу. Благомыслящіе на сей разъ въ Совѣтъ не явились; всѣ другіе Члены Совѣта предстали и заняли мѣста свои.

Дѣло представлено Герцогу, и описано такими красками, какія признаны были дѣйствительнѣйшими. Герцогъ выслушалъ все и спросилъ: Гдѣ же другіе Министры и особенно Цалигъ? — Кажется, отвѣчали присутствующіе, что они здѣсь и не нужны; ибо и при нихъ приговоръ былъ бы основанъ на большинствѣ голосовъ. Герцогъ съ лицомъ мрачнымъ сказалъ: Въ подобномъ случаѣ не большинство голосовъ, но одинъ голосъ человѣколюбія важенъ. Пошлите за ними; скажите, чтобы ни одинъ, подъ опасеніемъ лишенія мѣста, не смѣлъ не явиться. — Всѣ Члены Совѣта собрались.

Герцогъ. Вотъ приговоръ, осуждающій на смерть чародѣя. Не скажешь ли кто изъ васъ, Господа, чего нибудь въ облегченіе судьбы бѣднаго грѣшника?

Цалигъ. Я не могу осудить его; ибо я не получилъ ни одной копѣйки отъ Коллера.

Герцогъ, изумленный, спрашивалъ: Какъ? что такое?

Цалигъ. Дѣло сіе состоиптъ въ слѣдующемъ: Эеобальдъ твердо пошелъ противъ безумнаго мечпанія Коллера и его послѣдователей; за то обвиненъ въ чародѣйствѣ, заключенъ въ шемницу, окованъ цѣпями и цѣлый годъ уже спраждеть.

Герцогъ. Гдѣ пропоколы? Я самъ хочу разсмошрѣть ихъ.

Цалигъ улыбнулся и сказалъ: Въ пропоколахъ дивныя вещи. Болѣе 50 послѣдователей Коллеровыхъ были допрашиваны; всѣ присягою ушвердили, что видѣли Эеобальда ходящаго ночью по улицамъ въ видѣ козла, собаки, волка, Богъ вѣсть, въ какихъ видахъ; напрошивъ шого ни бѣдный Докшоръ, ни его спрянчій ни однажды не были спрашиваны: опасно было, чтобы онъ не промолвилъ слова къ своему оправданію.

Герцогъ. Кровь спынешъ отъ такой несправедливости! Но для чего сей бѣдный человекъ не пробѣгнулъ ко мнѣ?

Цалигъ. Все было испытано ; но золотая и серебряная спѣна заграждала опъ него Вашу Свѣшлость.

Министры. Г-нъ Цалигъ ! вы должны доказать сѣ навѣшны.

Цалигъ смѣло посмошрѣлъ вокругъ себя и сказалъ ; Хошите ли, я призову Моисея Гейделя ?

Всѣ онѣмѣли.

Герцогъ. Немедленно отправивъ нарочнаго съ повелѣніемъ, чшобы Докторъ Сеобальдъ безъ всѣхъ дальнѣйшихъ допросовъ, безъ всѣхъ околичностей освобожденъ былъ изъ шемницы съ честію, и чшобы ему сдѣлано было удовлетвореніе, какого онъ пожелаетъ. А вамъ, Г-нъ Цалигъ, я даю полномочіе произвесши слѣдствіе надъ всѣми несправедливыми въ семь дѣлѣ судьями и поступить съ ними по всей строгости законовъ.

При сихъ словахъ онъ разодралъ приговоръ и вышелъ изъ Совѣта.

Герцогъ не всегда поступалъ споль рѣшительно ; излишняя доброта была его слабосшь : онъ не рѣдко подписывалъ смершныя приговоры и другія важныя дѣла, не читая и не разсмашривая ; а сѣ самое и внушило злымъ Миниспрамъ дерзосшь, нами описанную. Цалигъ, восхищенный щаспливымъ обо-

ропомъ сего дѣла, спѣшилъ подробно о всемъ увѣдомишь друга своего Бозиуса; сей послѣдній поскакалъ къ Теообальду, и между тѣмъ съ радостнымъ извѣстіемъ отправилъ нарочнаго къ Блонду и къ Сусаннѣ.

Докторъ вѣсть о свободѣ услышалъ, какъ легко можно себѣ представить, съ восторгомъ сердца; обнялъ своего друга и залился слезами; оба вмѣстѣ благодарили Бога за столь милосердное окончаніе столь жестокаго испытанія; и Теообальдъ при семъ случаѣ столь здраво изъяснилъ свои чувства о Религіи и мечтаніи, что Бозиусъ призналъ его совершенно уврачеваннымъ опъ его спарой болѣзни, почему и не говорилъ уже ему ничего въ наставленіе.

На слѣдующій день прибылъ нарочный; Бозиусъ сидѣлъ у Теообальда въ то самое время, какъ Секретарь пришелъ возвѣстивъ ему, что онъ свободенъ, и что Герцогъ всемилоспивѣйше его прощаетъ. Спражъ пемничный снялъ съ него цѣпи. Теообальдъ усмѣхнулся и говорилъ: Скажите Президенту, что такимъ образомъ я не выйду изъ пемницы, а надобно вывеспи меня шакъ, какъ Герцогъ повелѣлъ. Бозиусъ присовокушилъ: Я иду съ вами къ Президенту.

Президентъ не хотѣлъ допустить его къ себѣ; но Бозиусъ на шомъ не османовил-ся, а просиль доложиль, что ему непременно и шомъ же часъ надобно видѣться съ Его Превосходительствомъ, или же дѣло поидеть иначе: шолчасъ онъ впушенъ.

Президентъ. Что вамъ угодно? что вы шакъ настоятельны?

Бозиусъ. Я пришель покорнѣйше просиль Ваше Превосходительство взять на себя шрудъ пойти къ содержащемуся въ шюрмѣ Доктору Геобальду и вывешши его опшолѣ собственною вашею рукою.

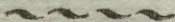
Президентъ. Какъ? — И ты у меня вмѣ-стѣ съ нимъ посидишь. Послѣ сего чародѣй не скоро вырвешся. Слуга! спупай, скажи шемничному спражу, шшобы онъ вновь зако-далъ его въ цѣни.

Бозиусъ. Тѣмъ лучше, Ваше Превосходи-тельство! вы сами послѣ примеш шрудъ шобшвениоручно снять съ него оковы: для него же болѣе чесши. Знаеш ли вы эту руку?

Тутъ Паспоръ подошелъ къ Президенту, показалъ и прочель ему письмо опъ Министра, шакъ, что онъ между шѣмъ и самъ могъ гла-зами читашъ его. Письмо произвело желаемое дѣйствіе. Президентъ поблѣднѣлъ, запреше-

шалъ и говорилъ : Я не зналъ этаго ; сію минушу иду съ вами , и самъ Докшора выведу .

И сдержалъ свое слово : самъ взялъ и повелъ Феобальда изъ шюрмы по улицѣ въ гостиницу ; хотѣлъ подарить ему денегъ , прислалъ ему вина . Но Феобальдъ ни чѣмъ не воспользовался , и въ вознагражденіе ничего другаго не требовалъ , кромѣ того , чшобы Правительство повелѣло объявить во всей области , чшо онъ найденъ совершенно невиннымъ : сіе и было безпрепятственно исполнено . Потомъ онъ отправился съ другомъ своимъ къ Блонду , своему пещю , къ женѣ и къ дѣтямъ . Они приняли его съ неописанною радостію . Сусанну нашель онъ изсохшею , изнуренною , и предвидѣлъ , чшо онъ съ нею не надолго . Зрѣлище сіе исполнило его новой скорби , копорая помрачала его веселіе . При всемъ томъ для него упѣшипельнѣе было впасъ въ руки Божія , нежели въ руки чловѣческія .

КНИГА ТРЕТІЯ.

Не лзя, кажешся, сомнѣвашся, чшобы Коллеръ и злобный его совиновникъ не были преданы спрожайшему правосудію; ни чуть не бывало. Какъ Феобальдъ мыслилъ по Христіянски и правило: *не мстите сами за себя*, соблюдалъ, въ точности, шо и правосудіе молчало; дѣло ошталось безъ всякаго послѣдствія, и Шлейхеръ еще въ шо самое время подучилъ мѣсто Совѣтника въ Консиссторіи.

Мнѣ кажешся, чшо здѣсь могу я молвить кстапи словечко. Ни Феобальдъ, ни служители и правосудія, не воздали ошмщенія за беззаконіе. Коллеръ жилъ щасливо, скоро умеръ ошъ нѣги, и ошправился на пошъ свѣшъ, самъ не зная какъ. Шлейхеръ жилъ гораздо долѣе, прилагалъ грѣхъ ко грѣху, наконецъ обнищаль, и до шакой степени ожесточился, чшо еще предъ кончиною своею обманулъ самымъ гнуснымъ образомъ двухъ весьма почтенныхъ мужей; наконецъ началъ онъ чахнушь, на смершномъ одрѣ говорилъ прекрасныя рѣчи о спасеніи души, о блаженствѣ, и по видимому умеръ, какъ свяшый. Все сіе ешть истинное событіе; чшо же можно послѣ

сего заключаешь изъ назидательной кончины споль многихъ людей? — Сколь часпо мы почитаемъ послѣднія бесѣды свидѣтельствомъ блаженнаго душъ соспоянiя? Когда мы видимъ мирную кончину шакого человѣка, и сравнивая ее съ дѣянiями его жизни, находимъ, что они не были ни поучительны, ни благошворны; скажише, какiя послѣдствiя мы можемъ вывести, будучи зрителими споль благословенной по виѣщности смерти?

Разныя физическiя причины, глубокое ожеспоченiе, какъ шо было съ Шлейхеромъ и съ Вольперомъ и какъ бываетъ со многими злодѣями, умирающими на эшафотѣ, могутъ дать ложную крѣпость умереть со смѣхомъ, съ видомъ веселымъ, могутъ дать поводъ довершивъ искусство пришворства, говоришь благочеспивыя рѣчи и съ радоспiю вспрѣчать вѣчность, особенно при шомъ мнѣнiи, что обыкновенно люди дѣлають важныя заключенiя по спокойному и веселому виду при кончинѣ.

Когда умирающiй чувспвуешь, что онъ великiй грѣшникъ, молишь Бога о благодати и милосерди, прибѣгаешь съ упованiемъ ко Искушптелю, признаешь себя недоспiойнымъ спасенiя, наконецъ приемлешь свыше крѣпость и радоспъ, и умираешь мирно, или и въ му-

кахъ; когда предстоящіе все сіе примѣчаютъ, между шѣмъ какъ больной думаетъ, что онъ одинъ: тогда можно положиться на сіи знаменія. Но не должно позволять себѣ и проотивныхъ толкованій, естли бы даже сіи знаки и не были видны.

Соберите же всѣ силы разума и разсудите: можеть ли Богъ, существо премудрѣйшее, правосуднѣйшее, любобильнѣйшее, можеть ли оставить безъ опмщенія несправедливостъ, причиненную Феобальду? Что бы кто ни мыслить, заключаешь должно, что правда Божественная пребуеть здѣсь удовлетворенія.

Естли же сіе удовлетвореніе споль же непреложно должно событсся, сколь непреложно Богъ естъ правосудень и купно естъ вѣчная Любовь (ибо и самая любовь сія пребуеть правосудія), и естли сіе возмездіе въ ей жизни не воздастсся; то гдѣ оно будеть воздано, когда нѣтъ другой жизни, гдѣ почто каждый пріемлетъ все по заслугамъ, награду, или наказаніе? Мнѣ кажеться, что сіе одно можеть бытъ сильнѣйшимъ доказательствомъ безсмертія души, наказанія и вознагражденія по смерти.

Феобальдъ основался въ городкѣ, въ копоушѣ шесть его былъ при мѣстѣ, и началъ тамъ заниматьсся лѣченіемъ; домъ шестія его

могъ свободно помѣспить оба семейспва ; снѣ припомъ думаль , что здѣсь будешь имѣшь болѣе практики , нежели въ Борнгаузенѣ . Но все , что онѣ ни предиринималь , было безплодно : жена его ослабѣвала , и попому не могла порядочно смопрѣшь за хозяйствомъ ; а самъ онѣ , не бывъ впрочемъ распочипеленѣ , не зналъ , какъ беречь деньгу про чернѣй день . Одѣвался онѣ чисто , но скромно ; словомъ : не спрашилъ ничего лишняго , пріобрѣспаль шакже довольно ; но , конечно во упованіи на Бога , раздавалъ много нищимъ , больныхъ бѣдныхъ прѣпочипалъ богатымъ , покупалъ имъ даже лѣкарспва ; богатыхъ сіе огорчало ; и наконецъ онѣ не разумѣлъ того искусствва , которое для врачей еспть источникъ обогащенія — шонкаго шарлапанспва , безъ коего врачъ еспть не что иное , какъ шолько пустословъ . Все сіе и здѣсь вовлекло его сначала въ долги , а попомъ въ презрѣніе .

Люди честные говорятъ намъ , что деньги не даюшь чеспи ; опышь научаетъ насъ прошивному : будь богатъ , каково бы ни было сердце , будешь въ чеспи . Будь долженъ , околь бы шы ни былъ честенъ , будешь у всѣхъ въ посрамленіи . Деньги для грѣха мшурная свяшость ; долги налагаюшь и на добродѣшель личину порока .

Сей не весьма благородный образъ мыслей ни гдѣ не царшвуешь съ такою силою, какъ въ шорговыхъ городахъ. Тушь не довольно даже и того, чѣмъ имѣшь деньги; надобно бышь непременно купцомъ. Голландецъ не сполько чинилъ своего Спансъ-Галлера, какъ Амстердамскаго Бургомистра, кошорый естѣ не иное чѣмъ, какъ шолько купецъ. Приходишь здѣсь мнѣ на память анекдотъ, за испину кошораго я могу поручиться. Король Прусскій былъ нѣкогда, не знаю, по какому случаю, въ Амстердамѣ; и какъ шакія посѣщенія довольно шамъ рѣдки, шо толпы собирались, чѣмъбы его увидѣшь. Однажды шель онъ по улицѣ; одинъ Амстердамскій мѣщанинъ споялъ у ворошь, и съ удивленіемъ говорилъ сосѣду: *Король выступаетъ съ такою важностію, какъ бы онъ былъ Бургомистръ Амстердамскій.*

Въ шакомъ спѣсненномъ и бѣдномъ положеніи Оеобальдъ жилъ нѣсколько лѣтъ; шестъ и шеща его, сколь они ни были добры и шнисходительны, мало по малу возымѣли къ нему недовѣрчивость, шакъ чѣмъ всѣ опоры его рушились. Между шѣмъ однакожь не лъзя было сказашъ, чѣмъбы онъ когда-либо нуждался въ необходимомъ; совершенное упованіе его на Промысль не осшалось безъ на-

гражденія; въ семь упованіи онъ никогда не восколебался, не преспаваль спрудиться, былъ честень, вѣренъ въ своемъ званіи, все, что ему ни приключалось, сносилъ съ кротостію. Въ продолженіе сего времени случились нѣкошорыя любопытныя происшествія, о кошорыхъ я, какъ они принадлежатъ къ моей цѣли, не могу умолчать.

Городокъ, гдѣ жили Блондъ и Теобальдъ, назывался Порпгеймъ, или лучше сказать я шакъ назову сіе мѣсто. Здѣсь шакже находились многіе добронамѣренныя, благочестивыя и честныя Христіане, искавшіе истиннаго пуши къ единому истинному щастію; но между ними, какъ шо и вездѣ обыкновенно бываетъ, были и Фарисеи, вездѣ и всегда посрамляющіе Религію, вредящіе оной болѣе, нежели явныя враги ея. Теобальдъ нашель здѣсь для себя новый крестъ. По наружному виду, по разговорамъ, по всему своему обхожденію онъ похожъ былъ на Піеписпа, хошя въ образѣ жизни былъ гораздо вольнѣе, не былъ шакъ уединень и шакъ скрытень, какъ Піеписпы; ибо достоинство Религіи онъ поставлялъ въ плодахъ древа, а не въ лислвіи и въ цвѣтѣ. По сему самому спрогіе судьи, и особенно Фарисеи, считали его человекомъ, кошорый въ обѣ спо-

роны мечется, не имѣешь швердаго характера, не горячь и не спудень, достоинь бытъ изблевань. Въ семь заключеніи они и упошребили къ шому всѣ възможныя средства; не ограничивались шѣмъ, что сами не приглашали его къ больнымъ своимъ, но и предъ другими говорили о немъ съ презрѣніемъ, съ лицемѣрною жалосшію, и шакимъ образомъ совершенно подрывали и послѣднее къ нему довѣріе.

„Какъ жаль Доктора Феобальда!“ швердили они: „Онъ подлинно началъ хорошимъ успѣхомъ въ Христіянствѣ; но любовь къ міру, „прелестная Делила, всемошна. Къ шому же „онъ не шакъ-шо и свѣдуць; не довольно „учился, не довольно спарается и о боль- „ныхъ“ и проч. Такимъ образомъ говорили сіи поношители послѣдовашелей Иисуса, того самаго Иисуса, Который даже на крестѣ молился за убійць своихъ, но родъ сей назваль порожденіемъ эхиднинымъ.

Феобальдъ, при всемъ своемъ пицнаніи досшигнушь совершенства Христіянскаго имѣлъ довольно сильную склонность къ словесности, сколько сіе занятіе согласно было съ его правилами; онъ чипаль пошому лучшія сочиненія Англинскія и Нѣмецкія; самъ былъ не безъ природныхъ дарованій; могъ

что нибудь пушное вымыслишь и нарисаешь; но не довѣрялъ себѣ, и не смѣлъ ничего своего предавать писанію: опасался, и основательно, что въ его время не удастся ему сдѣлаться извѣстнымъ писателемъ. Не смотря на то, онъ маралъ много бумаги, копорая лежала въ ожиданіи роковаго часа своего быть испребленною.

Однажды Совѣшникъ Бокей посѣтилъ Блоуда. Бокей былъ весьма пріятный человекъ, много читалъ, словомъ, былъ превосходнаго ума и прекраснаго сердца. Въ молодыхъ лѣтахъ былъ онъ шакже, какъ и Тео-бальдъ, мечтателемъ. Послѣ, когда достигъ совершенныхъ лѣтъ, пушешествовалъ; судьба привела его по несчастію въ Женеву и въ Ферней; тамъ хотя онъ напоенъ былъ вольнодумствомъ и совершеннымъ деизмомъ, не былъ однакожъ ни порицатель, ни презритель Іисуса, а только по разуму сомнѣвался въ ученіи вѣры; при всемъ томъ былъ благошворитель, преклоненъ на всякое добро, чуждъ всякой роскоши, во всемъ имѣлъ понкій вкусъ, былъ чрезвычайно привѣшливъ, ласковъ, заниматель и любезенъ.

Какъ подобные люди бывають исполнены духа міра сего и вкусъ и чувствва ихъ утончены въ вышней смещени, то они не могутъ

перѣшь ничего обыкновеннаго въ свѣтѣ, и всѣмъ скучающъ; но когда они встрѣчаютъ искру генія, дарованіе рѣдкое, тогда восхищаются, другъ друга привѣщиваютъ, объедаютъ: точно такъ было и здѣсь. Бокей честнаго и добродѣтельнаго Блонда нашедши несноснымъ, напрошивъ того Оеобальда казался ему человѣкомъ, достойнѣйшимъ вниманія и любопытсва; съ нимъ пошму ближе онъ познакомился, и споль дружески съ нимъ обходился, что Оеобальдъ опъ того былъ внѣ себя опъ радости, принявъ сего гостя за Ангела, присланнаго ему Богомъ для утѣшенія.

Читатели! что можете быть естественнѣе сего поступка Оеобальдова? Доселѣ онъ непрестанно боролся съ людьми; онъ никогда почти не чувствовалъ удовольствія, происходящаго опъ дружескаго соображенія: былъ бѣденъ, презираемъ, угнѣшенъ, уничижаемъ. Вдругъ онъ видитъ человѣка извѣстнаго и знаменитаго, копорый не только ищетъ его дружбы, но изъявляетъ нѣкоторое благоговѣніе къ его дарованіямъ, копорый возбуждалъ его къ великимъ дѣламъ, къ важнымъ предпріятіямъ для общаго блага. Удивительно ли, что Оеобальдъ привязался къ нему съ горячею любовію, читалъ ему свои сочиненія, и

успѣшался похвалами споль необыкновеннаго для него мужа. Бокей въ самомъ дѣлѣ напечаталъ на счетъ свой небольшую книжку сочиненія Теообальдова, которая пріобрѣла ему отличное оупъ всѣхъ одобреніе.

Но сія связь едва не лишила нашего Доктора и докпорскаго званія и пракшики. Всѣ Хрисціане и Фарисеи, согласясь, прошивъ него вооружились, осуждая его, что онъ вольнодумецъ, по дружбѣ съ Бокеемъ; онъ же, швердили, издаешъ и романы, подобно всѣмъ такого рода людямъ, романы, копорые порпяшъ нравы юношей; онъ наконецъ по шому чловѣкъ преопасный, и проч.; шущъ не принималось уже никакое оправданіе; никто не разсуждалъ, что онъ могъ бытъ дружень съ Бокеемъ и не бытъ согласенъ съ нимъ въ правилахъ Релитіи; что даже всѣ Рецензенты, при всей похвалѣ его сочиненій, обвиняли его однакожъ въ слишкомъ большой привязанности къ Піезизму, къ мечпаніямъ: все сіе и всѣ иныя причины были совершенно бесполезны.

Естьли бы Теообальдъ былъ богатъ, или по крайней мѣрѣ естьли бы долговъ на немъ не было, шо ненависшь конечно не дошла бы до шакон шепенн. Сіе умножало еще всю его горешшь. Среди угнѣшеній и гоненія долги

были для него, такъ сказать, новыми гонимелами; они имѣють ужасное свойство — превосходнѣйшій и благороднѣйшій харектеръ одѣвашь самымъ чернымъ покровомъ; бросають на все невыгодную пѣнь, и на самага честнаго человѣка навлекають ненависть. Великій Боже! сохрани любящихъ Тебя отъ долговъ! Лучше быть больнымъ и бѣднымъ, нежели долги имѣть, особенно когда заимодавцы купцы.

Оеобальдъ лишился почти практики, содержалъ себя одними сочиненіями, и величайшее при семь его щасіе состояло въ томъ, что книгопродавцы не знали его положенія; ибо, если бы попалъ на него и сей каменношвердый родъ купцовъ: тогда онъ совѣмъ изнемогъ бы подъ бременемъ.

Бокей, сколь спрашно сначала полюбилъ Оеобальда, столько же послѣ охладѣлъ къ нему, и ни по чему иному, какъ только по тому, что Оеобальдъ никакъ не хотѣлъ опспашь отъ вѣры во Евангеліе Иисусово. Бокей торжественно говорилъ, что Докторъ Оеобальдъ человѣкъ ума весьма посредственнаго, что изъ него никогда не будетъ ничего пушнаго и проч.; наконецъ совѣмъ онъ осмавилъ его.

Представивъ вообще остояніе Феобальдово въ такомъ видѣ, какъ оно нѣсколько лѣтъ продолжалось, опишу я нынѣ особенные случаи по порядку, какъ они слѣдовали.

Недалеко отъ Порштейма стоить крестьянской дворъ, называемый Швейнбергъ, на весьма пріятномъ холмѣ, съ котораго открываются виды прекрасные. Феобальдъ часто приходилъ въ сіе мѣсто, чтобы въ уединеніи, среди красотъ природы забывая на короткое время свою грусть и уныніе. Но и здѣсь онъ нашелъ горестивѣйшія послѣдствія мечтательства; и какъ при семъ онъ способствовалъ къ исправленію заблужденій, и потому сіе принадлежитъ къ его жизни: но я считаю за нужное помѣстить здѣсь сію повѣсть для того особенно, что она заключаетъ въ себѣ много поучительнаго.

Швейнбергъ есть значительное крестьянское заведеніе, гдѣ жило одно только семейство. Наслѣдникъ сего имѣнія былъ человѣкъ необразованный, празднолюбивый, во всемъ медлительный, недѣлительный и вообще ко всему безчувственный. Онъ назывался Иваномъ. Жениться не хотѣлъ онъ, жилъ недѣлясь съ пресарфлюю своею машерью, которая наконецъ однакожь уговорила его же-

нишься, и онъ въ 40 лѣтъ сочелся бракомъ съ дѣвушкою 17 лѣтъ. Дѣвушка сія, прекрасная, какъ картина, называлась Кашериною; легко можно себѣ представить, что сей бракъ основанъ былъ не на склонности, но на выгодахъ. Кашерина никогда не любила своего мужа, но съ нимъ она не знала нужды, на весь свой вѣкъ была приспороена; Иванъ также не любилъ своей жены, совѣтъ не вѣдалъ сего чувства, но былъ доволенъ, имѣя въ домѣ хозяйку. Не смотря на то, они вмѣстѣ жили пріятно, и въ продолженіе времени возникла наконецъ между ними взаимная другъ ко другу склонность или дружба, которая нѣкошорымъ образомъ замѣняла любовь. Они прижили двухъ дѣтей, сына и дочь; сынъ во многомъ походилъ на отца, а дочь на мать; дѣти сіи въ уединеніи воспитывались въ добронравіи и невинности, и въ самой вещи ошъ природы даже были любезны. Дочь особенно съ цвѣшущею красотою соединяла самое нѣжное и доброе сердце, какого только можно пожелать; называлась она Лизою,

Кашерина была весьма чувствительна. Уединеніе, назидательныя проповѣди и домашнія обстоятельства преклоняли ея душу къ Религіи; она благовременно сдѣлалась благочестивою Христіянкою, и таковою пребыла

до самой кончины, не взирая на то, что, конечно неумышленно, она въ семь ошъ неразумія переходила къ неразумію, и щасливую жизнь ея сіи заблужденія оправдали горестію и бѣдствіями; радость ея померкла, и она не только сама себѣ, но и сосѣдамъ причинила великій вредъ.

Сначала Каперина не имѣла связи ни съ какою секшою, держалась твердо исповѣданія, въ коемъ родилась, ш. е. Реформатскаго; со временемъ она познакомилась съ миссіонеромъ изъ Гернгутеровъ, который воспламенилъ ея душу такою огненною любовію къ Искупителю, пусть къ Нему усѣялъ снопъ прекрасными розами, что она была внѣ себя, какъ въ упоеніи, переходила изъ мѣста въ мѣсто для брашскихъ посѣщеній, и такимъ образомъ упущала свое хозяйство и свои обязанности. Иванъ былъ человекъ добрый, ни въ чемъ ей не препяшествовалъ, и когда жена его дома не бывала, то онъ пошухоньку порядкомъ исправлялъ все и за себя и за жену.

Въ сіе самое время вновь показался на сцену Полциъ, изъ первой Часпи сей книги уже извѣстный, и въ тамошней спранѣ началъ проповѣдовать свое фанатическое ученіе. Каперина, услышавъ о семъ человекѣ, немед-

ленно рѣшилась посѣпить его и собственными глазами увидѣть необыкновенное явленіе.

Поллинъ былъ весьма привѣпливъ и мечтательный умъ его въ обхожденіи имѣлъ столько много обольстительнаго, что Кашерина при первомъ съ нимъ свиданіи была уже очарована. Но правила его были совсѣмъ противоположны правиламъ Гернгушерскимъ: онъ преобладалъ спорогаго самоопроверженія, суровой жизни Миссической, а не сладостныхъ чувствованій; въ понятіяхъ своихъ о вѣрѣ былъ онъ совсѣмъ не согласенъ съ Цинцендорфомъ; мечты его о пышнѣйшемъ Царствіи были такъ прелестны и заманчивы, что Кашерина едва на семь не помѣшалась. И такъ она сдѣлалась совершенною послѣдовательницею Поллина; Гернгушизмъ и Миссичизмъ въ душѣ ея довольно свободно другъ друга терпѣли; ибо она не была уже ни столько легкомысленна, какъ прежде, ни столько сурова, какъ Миссика. Вообще она была пріятная и любезная женщина, посвящавшая въ благодѣяніи и справедливости исполненіе Религіи; и что за симъ заслуживало въ ней порицаніе, если даже и подлинно воображеніе услаждало жизнь ея пріятными мечтаніями и призраками? Кто изъ насъ совершенно чуждъ мечтаній?

Но Поллинъ не долго былъ вождемъ Капериинъ; въ Графствѣ М. въ городѣ А. возникло весьма примѣчательное общество, къ копорому она навсегда прилѣпилась. (Прошу читашелей извинишь меня, что я сію, по видимому маловажную, исторію споль подробно описываю; она весьма поучительна, а я и пишу для сего, а не для одной забавы.)

Священникъ, изъ Герингушерскаго общества, именемъ Дронгеймъ, пришелъ съ своимъ единшвеннымъ сыномъ, прехлѣшнимъ мальчикомъ, въ А. Жены его уже не было на свѣстѣ; для пропитанія онъ исправлялъ часы, переписывалъ бумаги, училъ дѣшей Ариометикѣ и проч. Къ одному набожному и честному ремесленнику пошелъ онъ съ сыномъ на хлѣбы, и чѣмъ могъ, дославалъ себѣ деньги. Тутъ онъ собралъ къ себѣ множество послѣдователей, и я до сихъ поръ не понимаю, какимъ образомъ онъ успѣлъ въ семь намѣреній, не имѣвъ въ обхожденіи своемъ ничего привлекаштельнаго, бывъ чрезвычайно привѣшливъ, но проспѣ, бывъ въ обращеніи и въ разговорахъ споль смѣшонъ и спраненъ, что мнѣ и шеперь еще скучно, когда я припомню часъ, проведенный въ его обществѣ. Не смотря на все сіе, система его была лучше всѣхъ ихъ системъ, кои я зналъ, выключая еди-

ной истинной. Иисусъ и Его Евангеліе для него было все; швори, что тамъ написано, повшорялъ онъ, и ничего болѣе не говорилъ и не вѣдалъ. Но образъ, какъ сдѣлашся способнымъ къ сему дѣланію и къ сей вѣрѣ, заключалъ въ себѣ нѣчто особенное. Однажды въ недѣлю, ввечеру по суббошамъ послѣ ужина, всѣ его послѣдователи собирались въ домъ его хозяина и пѣли прекраснѣйшія, назидательнѣйшія пѣсни со звукомъ гитарь; попомъ всѣ умолкали; одинъ чиналъ медлитель-но и съ размышленіемъ текспъ изъ Евангелія; всѣ другіе о томъ разсуждали, и послѣ каждой говорилъ свое мнѣніе; по окончаніи сего всѣ другъ друга привѣщивовали съ радоснію; вновь пѣли, одинъ другаго обнимали, клялись одинъ другому въ вѣчной любви и вѣрности, давали обѣщы добро шворить ближнему, и воспаливъ такимъ образомъ воображеніе, всякой возвращался во своя - си.

Признаюсь, что я, какъ и выше сказалъ, не знаю инаго общешва, кошорое было бы чище, благороднѣе и въ Хриспіянствѣ дѣятельнѣе сего Дронгеймскаго общешва: такъ они сами себя называли. Когда я узналъ сіи собранія, они соснояли уже по крайней мѣрѣ изъ 800 человекъ знаныхъ и низкихъ муже-

скаго и женскаго пола. Всѣ они вмѣстѣ въ крошкѣ, непрестающемъ веселіи проходили спранныческій путь жизни, искренно другъ друга любили, и Религіи своего Господа и Учишеля дѣлали честь. Въ семь не возможно не опдашь имъ справедливости.

Кашерина всѣмъ сердцемъ и душою прилѣпилась къ сему обществу, не смотря на то, что жила за чешыре мили отъ А. Одно только у нихъ и мнѣ и многимъ другимъ не нравилось то, что они всегда почти были вмѣстѣ, одинъ къ другому ходили на обѣды, что безъ сомнѣнія нѣкошорымъ неимущимъ было и въ шягоснь. Точно такъ бывало и въ Швейнбергѣ. Кашерина часто имѣла отъ 20 до 30 человекъ гостей, которые сѣдали имущество ея мужа; но сіе нимало ее не ошанавливало; напросивъ того посѣщенія сіи ей были въ радость; но какъ только гости опсправлялись, она нѣмъ болѣе принималась за хозяйство, старалась сберегать, изнуряла себя работою, такъ что въ короткое время изъ силъ почти выбилась. Добраго Ивана ни воспорги, ни сладосшныя ощущения, ни набожное рвеніе ни жены его, ни друзей ея нимало не шрогали и не смягчали; онъ по своему былъ хладенъ, но ни въ чемъ не мѣшалъ;

все шло, какъ жена хѣшѣла. Наконецъ онъ и самъ мало по малу приспалъ къ нимъ въ наружныхъ обрядахъ, пѣлъ съ ними пѣсни, воздыхалъ, когда другіе воздыхали; давалъ и получалъ взаимныя лобзанія; словомъ, исполнялъ все то, что другіе подъ глазами его дѣлали.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Между шѣмъ дѣши Кашерины возросли и воспитаны были по правиламъ и обычаямъ Дронгеймскаго общесва. Лизѣ было 16 лѣтъ; и она необыкновенною красотою и крошкостію обращала на себя всѣ взоры; въ простотѣ души она любила всѣхъ, и не знала еще, что есть любовь.

Въ тамошней странѣ жилъ одинъ ткачъ, холосшой, но уже въ лѣтахъ; на фабрикѣ за работу получалъ плату и назывался Габишъ; росшу былъ онъ малаго, блѣдень, худощавъ, черноволосъ, съ лицомъ широкимъ и плоскимъ, въ обхожденіи вообще безъ всякой пріятности; осыпалъ всѣхъ скучными привѣтствіями; былъ неосновашелень, упрямъ, гордъ и злопамятливъ; впрочемъ въ дѣлахъ и расчетахъ вѣренъ, честень, богобоязливъ, и не смотря на всѣ свои слабости, всемѣрно старался побѣждать свои страсти; но всякое ушро предпринималъ новыя намѣренія, и всякій вечеръ открывалось, что ни единое не было исполнено; иногда превозмогала въ немъ Религія; иногда снова чувствеи-

ность: опъ того онъ никогда не былъ ровень во нравѣ, и опъ того всѣ о немъ говорили, что онъ безъ характера; шѣмъ не менѣе былъ онъ человекъ добрый и честный, а только скучный и необразованный.

Габихшъ искалъ сначала у Мисшиковъ, потомъ у Гернгушеровъ оружія къ побѣжденію своего права; наконецъ вступилъ въ Дронтеймское общество, и по сему случаю спалъ брапомъ Кашеринѣ. А какъ онъ и безъ того жилъ по сосѣдству и на холостую ногу безъ всякаго хозяйственнаго заведенія, то рѣшился пойти въ Швейнбергъ на хлѣбы, чтобы по крайней мѣрѣ во время сполы поушру и ввечеру бесѣдовашъ о назидательныхъ предметахъ.

Кто посмотришь на сей планъ мимоходомъ, тошъ конечно не найдешъ въ немъ ничего прошивнаго благоуравію; напротивъ того помыслишь, что Габихшъ имѣлъ умное и полезное намѣреніе. Но сіе столь невинное по наружности намѣреніе было источникомъ многихъ горестей.

Кашерина съ охотою и радостію приняла предложеніе Габихша; она думала: Габихшъ человекъ благочестивый, а мужъ мой совѣмъ не таковъ; я буду имѣшь друга и руководителя на пуши къ небу. Сверхъ по-

го Габихтъ довольно заживочень: нѣсколько сошь палеровъ у него въ запасъ; онъ будешь плашить мнѣ за споль и кварширу, и такимъ образомъ я буду получашь ежегодно что нибудь и наличными деньгами; все эшо мнѣ пригодится; и наконецъ кто вѣспъ, что еще со мною будешь? Онъ не шолько богобоязливъ, но и добрый хозяинъ.

И въ сихъ предположеніяхъ, выключая послѣднее, равнымъ образомъ не было ничего порочнаго; но послѣднее и было подводнымъ камнемъ, о кошорой мало по малу все сокрушилось.

Не мѣшай Бога съ міромъ; они вмѣстѣ не поживунъ, говоритъ старинная пословица — и справедливо.

Габихтъ переѣхалъ жишь къ Кашеринѣ въ Швейнбергъ, и они заключили между собою условіе въ томъ смыслѣ, какъ я объяснилъ. Въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ все шло изрядно, и въ сіе время Габихтъ женился на Лизѣ, между тѣмъ какъ ему было уже около 50, а невѣстѣ шолько развѣ 20 лѣтъ. Всякой качалъ головою, говоря о семъ несообразномъ бракѣ; шолько Кашерина, Габихтъ и Лиза не находили въ семъ ни малой несообразности, а Иванъ на все смолчалъ молча. Лиза еще не знала, что есмь лю-

бось; была довольна шѣмъ, что была за мужемъ, въ проспошѣ сердца, какъ ребенокъ.

Не успѣли еще они сочешаться, какъ уже возникли между шеспемъ, шещею и зяшемъ недоразумѣнія о *могли* и *твогли*. Въ надеждѣ на благочестіе Габихша родилели Лизины совѣмъ о шомъ и не думали; но мало по малу эшо пришло само собою. Габихшъ любилъ въ хозяйствѣ порядокъ, къ шому же упрямъ былъ, и здѣсь наконецъ случилось шо же, что уже нѣсколько разъ видѣли мы въ семъ сочиненіи: сладосшныя чувшвованія послѣ женишьбы угасающъ, и нужды заштупающъ ихъ мѣсно. Великая испина, что человекъ живешъ опъ всякаго слова, исходящаго изъ устъ Божіихъ, послѣдняя приходитъ на память Христіянину.

Кашерина съ уныніемъ размышляла о шаконной неудачѣ въ благомъ своемъ намѣреніи. Терпѣніе даруешъ опышность, она мнѣ говаривала, когда я о семъ съ нею бесѣдовалъ, и она припоминала прежніе мои совѣпы. Вирочемъ она была прекрасная женщина: и въ чистопшѣ правовъ и непорочности я не встрѣчалъ ни кого, кто бы превосходилъ ее.

Лиза и мужъ ея другъ друга любили и жили пріятно. Богъ даровалъ имъ дѣшей.

Около того самого времени Дронгеймъ скончался въ А. . . Общество его мало по малу охладѣло, выключая весьма малаго числа благочестивыхъ мужчинъ и женщинъ ; собранія совѣтъ престаши.

Естьли бы въ Швейнбергѣ все шло хотя такъ ; какъ мы описали, то все бы еще было сносно ; но Провидѣнію угодно было и сіе самое гумно очистишь, и сожещи сѣно, солому и просиѣ.

Поллинь вновь явился во всей силѣ. Въ рубищѣ сперва пришелъ онъ въ Порпгеймъ, гдѣ тогда и Эвобальдъ жилъ. Здѣсь онъ вкрался къ одному богатому, во всѣхъ отношеніяхъ доброму, но вмѣстѣ склонному къ мечпашельству и въ Религіи недовольно швердому купцу, именовъ Шшейнбрингу. Давъ ему у себя пристанище, одѣвъ его съ ногъ до головы, онъ съ жаромъ принялъ всѣ его правила, взялъ его къ себѣ въ домъ, далъ ему прекрасную горницу, все содержаніе и пекся о немъ, какъ не лзя лучше.

Не лзя не удивляшся, когда подумаешь, какъ возможно, что споль явное заблужденіе было приемо, и шѣмъ не меѣе шочно такъ эшо было. Поллинь училъ, что не надобно работашъ, но въ слѣпой надеждѣ на Промысль ожидашь опъ Него всего нужнаго.

Когда кто обращалъ его къ Библии, онъ говорилъ, что во первыхъ Библии не понимаютъ; во вторыхъ, что Богъ посредствомъ его повернулъ новыя опроверженія: такимъ образомъ никакое оружіе не побѣждало его. Тайныя правила его о Божественной жизни, о будущемъ Царствіи Божіемъ и проч. были шѣ же, какія онъ проповѣдовалъ въ Г... О наружныхъ, споль спранныхъ его обрядахъ въ Порпгеймѣ сначала не было почти ни слуха, ни вѣсти; но какъ онъ въ Княжесствѣ Н... имѣлъ болѣе прехъ сошъ послѣдователей: то сіи обольщенные люди ошполѣ шолнами приходили въ Порпгеймъ къ Поллину, чшили его какъ Апостола, а съ собою принесли и нелѣпые его обычаи.

Я могъ бы здѣсь разсказать многія печальныя и соблазнительныя послѣдствія сей секты, случившіяся въ спранѣ Н.; но боюсь наскучить сими повѣстями читателямъ. Кашерина однакожъ со всемъ Дронгеймскимъ обществомъ не принимала никакого участія въ семъ новомъ мечтательствѣ; они жили по своимъ правиламъ, и о другихъ не заботились.

Въ сіе время жилъ въ Порпгеймѣ одинъ ремесленникъ, родомъ Саконецъ, по имени Шольцъ, видный, прекрасный молодой человекъ, съ пламеннымъ воображеніемъ и осо-

бенно сладкоглаголивый. Сей юноша любилъ чипашь и писашь, и величайшее удовольствіе его состояло въ томъ, чѣобы чипашь духовныя Мисническія, а особливо шакія сочиненія, которыя пишали воображеніе. Таковъ Бемъ, Берленбургская Библія и другія шворенія сего рода были его любимыя книги. Какъ онъ имѣлъ пылкій и провицательный разумъ, шо даръ свой довелъ до того, что по нѣскольку часовъ сряду могъ говорить о подобныхъ предметахъ съ жаромъ и съ постояннымъ воспоргомъ. Тѣмъ самымъ онъ приобрѣлъ шакую славу, что даже въ дальнихъ справахъ имя его гремѣло между Шеншисами. Шольць присталъ къ Поллину, и сдѣлался сильнѣйшимъ орудіемъ сего главы мечшашелея, ибо онъ былъ оспорожнѣе и благоразумнѣе Поллина, умѣлъ разливать болѣе свѣша на свой хаосъ поняшій и производилъ на умы глубочайшее впечатлѣніе. Знашные и проснолюдины съ опличнымъ уваженіемъ чили въ немъ избранный сосудъ Божій.

Въ семь молодомъ, цвѣшущемъ красопою человекѣ дѣйствовало равнымъ о разомъ нѣчто плоское. Собранія его состояли всегда болѣе изъ женщинъ, нежели изъ мушинъ; и первыя всегда были привязаны къ нему гораздо болѣе послѣднихъ. Всякой разъ, когда я

долженъ остановишься на семъ примѣчаніи, къ несчастію споль основанномъ на опытахъ, сердце мое бьется, особенно, когда я вспоминаю о порицателяхъ всего благаго, коимъ вѣроятно и сія книга попадется въ руки. Я не могу довольно предохранить благомыслящихъ отъ сихъ коварныхъ людей. Свидѣтельствуюсь Богомъ и могу запечатлѣть сіе свидѣтельство моею кровію, что на пакъ называемыхъ Піемисловъ несправедливо пачно возлагается, когда они обвиняются въ нецѣломудріи въ ихъ собраніяхъ. Я споль долго и споль многократно наблюдалъ ихъ, что могу говорить о семъ смѣло и основательно. Горе тому, кто будетъ здѣсь поспѣваваться или судить о сихъ людяхъ по своему собственному расплѣнію! Всѣ они имѣютъ горячее непреодолимое желаніе бытъ истинно благочестивыми и совершенными въ добродѣтели; кто изъ нихъ не имѣетъ сего желанія, и слѣдовательно есть лицемеръ, сего скоро спадаетъ личина. И кто болѣе ихъ подвизается о внутреннемъ усовершеніи? Да постыдился всякой, кто при семъ возсмѣется! При всѣхъ своихъ слабостяхъ они спокрашно почтеннѣе, нежели вы, пворенія жалкія, рабы спрастей и пороковъ. Цѣль всего сего сочиненія сосшоптъ въ томъ, чтообъ симъ

людямъ, споль пламенно спремящимся ко временному и вѣчному блаженству, показашь подводные камни, о копорые они споль удобно сокрушаются, и спасительную спезю среднюю; показашь наконецъ міру Піешиста въ испинномъ его видѣ, дабы благочеспивые безъ причины не были хулимы и порицаемы. Но сюда не принадлежатъ ни послѣдователи Коллера, ни имъ подобные.

Шольць не былъ сладоспращень; я зналъ его споль корошко, что въ помъ совершенно увѣренъ; но онъ не проникалъ глубины своего сердца. Чувствованія свои онъ одѣвалъ всегда свѣшлымъ покровомъ и такимъ образомъ совсѣмъ не зналъ себя. И ни одна изъ женщинъ, споль охотно внимавшихъ его поученіямъ, не думала о любви къ нему; ибо въ комъ сія мысль явно возникаетъ, поспъ спарается пошчасъ попрашъ главу сего змія. Но змѣиное сѣмя было въ сердцахъ, хотя никто въ себѣ не примѣчалъ его.

Обобальдъ долговременными и многократными опытами научился познавать всѣ опасныя сѣши и всѣ изгибы испорченной натуры человѣческой, и гдѣ предспавлялся ему случай, опкрывалъ истину; но слова его не проникали въ сердца: онъ слылъ человѣкомъ ни шенлымъ, ни спуденымъ; наконецъ и самъ

онъ не искалъ общества такихъ людей. Однажды однакожь онъ принужденъ былъ сказать Шольцу всю правду.

Нѣкошорая весьма добрая и благовоспитанная женщина, старинная знакомая Сусаннина и даже искренній другъ ея, прилѣпилась къ Шольцу; онъ ошвѣчалъ ей теми же чувствами. Она жила за три мили отъ Порптейма въ небольшомъ городкѣ, и принадлежала къ Дронгеймскому обществу, между членами коего Шольцъ спранствовавалъ изъ дому въ домъ. Женщина сія по временамъ приходила въ Порптеймъ, посѣщая своихъ пріятельницъ, въ томъ числѣ и Сусанну.

Однажды она, пришедши къ Теообальду и Сусаннѣ, съ ними бесѣдовала, какъ вдругъ Шольцъ со смѣхомъ и радостію вошелъ къ нимъ. Внезапно она перемѣнилась въ лицѣ. Теообальдъ легко примѣшилъ, какъ ея грудь поднималась, какъ сердце ея билось; но пріятная краска покрывала лице ея, но она блѣднѣла. У Шольца на лицѣ также написано было все то, что въ сердцѣ происходило. Наконецъ они другъ ко другу приблизились, и одинъ у другаго пожали руки съ привѣтствіемъ: Господь съ тобою, бранъ! Господь съ тобою, сестра! Пошомъ разговаривали о духовныхъ предметахъ.

Скажите мнѣ, мои любезные! оцъ чего вы шакъ привязаны другъ къ другу?

Вопросъ сей привелъ ихъ въ замѣшательство, и змѣи тогда же сокрылъ въ сердцахъ ихъ свое жало. Шольцъ отвѣчалъ: Любезный Декпюръ! возможно ли не бытъ привязаннымъ къ шоль почтенной и добродѣтельной женщины?

Обоальдъ. Конечно можно, но должно ли?

Шольцъ. Для чего же и не должно? Хришосъ и Апостолы не заповѣдали ли намъ любить другъ друга?

Обоальдъ. Чшо ты называешь любовью, другъ мой Шольцъ? чшо разумѣешь подъ словомъ Христіанская любовь, сообразная съ правилами Религіи?

Шольцъ. То, когда мы другъ другу ради, когда охотно другъ съ другомъ видимся, во взаимномъ обществѣ находимъ опраду, и въ нуждѣ и въ бѣдствіи другъ другу вспомошествоуемъ.

Кауфманъ. (Такъ называлась оная женщина) Точно шакъ! Эшо - шо и естъ наспоющая любовь.

Обоальдъ. Какъ вы заблуждаешься, добрые люди! Изъясни мнѣ, Г-жа Кауфманъ! супружескую любовь! Покажи мнѣ различіе между любовью, кошорую ты имѣешь къ своему му-

жу, между любовію къ другу своему Шольцу и наконецъ между любовію къ женѣ моей! Предметъ сей заслуживаешь всякаго вниманія. Испытай себя порядочно.

Г-жа Кауфманъ ужаснулась, пошупила глаза въ землю и уныла. Сусанна разсмѣялась; Шольцъ горячился. Г-въ Докторъ, говорилъ онъ, кажешься мнѣ, шы не съ доброй спороны емошришь на нашу братскую любовь. Какія страшныя мысли! Возлагаешь чуждый огонь на жертвенникъ Господень: одно шакое помышленіе приводишь меня въ шрепешъ. Какъ можно любовь чистѣйшую, невинѣйшую оквернишь мерзостію?

Феобальдъ. Шольцъ! гордосшь духовная и надежда на швои собшвенныя силы шебя обольцаюшь. ЕСТЬЛИ вы оба и подлинно не причастны подобной любви, шо шѣмъ не менѣе обязаны въ наружномъ обращеніи шакже и виду шого не показыващъ. Г-нъ Кауфманъ, любя искренно жену свою, не можешъ бышь къ сему равнодушень.

Шольцъ громко засмѣялся, но у Г-жи Кауфманъ слезы на глаза выступили. Феобальдъ, примѣшивъ сіе и шѣмъ самымъ удостовѣрясь въ своемъ заключеніи, продолжалъ: Послушайше меня, любезныя друзья мои! испытайше себя, любите ли вы Бога и Искупишеля

вашего шакъ , какъ другъ друга ? И подумайте , какое пресупленіе любить человѣка болѣе , нежели Бога ?

Шольцъ. Г-нъ Докшоръ ! я бы былъ совершенный злодѣй , естли бы хопя малѣйшая искра недозволенной любви къ какой-либо женщинѣ возникла въ моемъ сердцѣ . Но любовь къ Богу и ко Христу совсѣмъ отлична отъ любви къ людямъ . Хриспось сказалъ : *Аще кто любитъ Мя , слово мое соблюдетъ .* Иоанна . Соблюдаютъ слово Божіе и шворить заповѣданное значить любить Бога .

Геобальдъ. Точно шакъ ! прекрасно ! Богъ естъ духъ , и любовь къ Нему естъ шакже духъ и истина ; но вопросъ : не шакъ ли и Хриспіане должны взаимно любить себя ?

Шольцъ. Безъ всякаго сомѣнія ! Но съ людьми обращаясь , мы другъ на друга сморимъ ; видимъ ихъ жизнь и дѣянія , и когда они согласны съ нашимъ образомъ мыслей , то мы ихъ любимъ . Можемъ шупъ вмѣшиваться нѣчто и чувственное ; но вопросъ : можно ли то счишать за пресупленіе ? Въ мірѣ семъ мы не можемъ бытъ совершенно духовными людьми .

Геобальдъ. И шакъ ты соглашаешься , что любовь чувственная всегда можемъ смѣ-

шиваешься съ духовною, Хрисіянскою любовію?

Шольцъ. По крайней мѣрѣ по большей части! Я это приѣмлю, но не считаю за пресупленіе.

Оеобальдъ. Пусты и такъ между людьми одного и того же пола; но между мужчинами и женщинами? О! какъ это опасно! — Подумайше о семъ со вниманіемъ, какъ легко могутъ сіи чувства бытъ искажены побужденіями плотскими? Иной, одушевляясь добрыми Хрисіянскими намѣреніями, борется съ сими нечиспыми побужденіями, скрываетъ ихъ въ своемъ сердцѣ, а между тѣмъ наружнаго обращенія не прерываетъ, шаетъ оны нѣжности, и такимъ образомъ огонь подъ пепломъ болѣе и болѣе шлѣетъ, пока наконецъ не возгорится и не поглотитъ своимъ пламенемъ всѣхъ благихъ Хрисіянскихъ предначинаній.

Шольцъ смѣялся и говорилъ: О Г-нъ Докторъ! Г-нъ Докторъ! какъ ты долженъ бытъ слабъ, когда такъ мыслишь!

Но Г-жа Кауфманъ призналась со слезами, что *Оеобальдъ* можетъ бытъ и правду говорить; ибо обыкновенно людей благообразныхъ

мы любимъ болѣе, нежели безобразныхъ, а такая любовь уже и нечисла.

Феобальдъ присовокупилъ: Любовь Христіанская, испинная, есть та, когда она подобна любви Божіей. Исполняешь заповѣди любви ко ближнему, служишь ему, пешишь о духовномъ и временномъ его благополучіи, — вопшь въ чемъ состоишь испинная любовь Христіанская. Все, что пресупаешь сіи предѣлы, есть слабость, чувственносшь, несовершенство, а между людьми различнаго пола есть плодъ заповѣданнаго древа.

Г-жа Кауфманъ и Сусанна согласились сомѣніемъ Феобальда, и первая съ того времени спала гораздо ошпорожиѣе; не лъзя было ни въ чемъ упрекнушь ее. Шольцъ напрошивъ того оставилъ ихъ въ досадѣ и оторченіи; но по временамъ приходилъ еще къ Г-жѣ Кауфманъ. Однажды Феобальдъ приглашенъ былъ къ больному въ то самое мѣсто, гдѣ она жительствоваала. Узнавъ о приходѣ его, она послала къ нему надежнаго человѣка сказашь ему, что Шольцъ уже болѣе недѣли живешъ у нее въ домѣ, пришворяясь больнымъ, что добрый мужъ ея шѣмъ весьма недоволенъ; что она просишь Феобальда посѣщипь ее, и какимъ бы то ни было образомъ избавишь ее ошь споль шягосшнаго ей человѣка; что она

находишься въ крайнемъ беспокойствѣ. Извѣ-
стіе сіе загло всю кровь въ Оеобальдѣ; онъ
попчасъ пошелъ къ Г-жѣ Кауфманъ; добрая
женщина вспрѣшила его съ заплаканными гла-
зами, мужъ принялъ его сухо, не говорилъ
ни слова, женѣ шакже не дѣлалъ упрековъ,
но глубокое внутреннее спраданіе на лицѣ
его было написано.

Оеобальдъ пошелъ одинъ въ комнату къ
Шольцу, нашелъ его въ постели совершенно
здоровымъ, важно его привѣшпвовалъ и по-
шупалъ у него пульсъ. Шольць! сказалъ онъ
ему не обвиняясь: съ тобою не могу я уже го-
ворить по дружески; вонъ изъ сего дома сію
минушу! Ты не болѣнь; а ешьли бы и бо-
лѣнь былъ, шо лежашъ шебѣ здѣсь не прилич-
но. Спупай, и никогда сюда не возвращай-
ся. Блаженны мирошворцы! слѣдспвенно про-
кляшы возмушишели мира! — и спокрапне
прокляшы нарушающіе доброе согласіе супру-
жества! Я сюда призванъ, и изъ одного сего
щы уже можешъ заключить, до какой спепе-
ни дошла скорбь сего семейства. — Шольць
немедленно убралъ всѣ свои вещи и въ шу же
минушу удалился.

Въ шо самое время и Полдинъ оканчивалъ
свою роль. Между его послѣдовашелями, изъ

далека ешоль прилѣжно къ нему приходившими, находились молодой человекъ лѣтъ 25 и сеспра его прекрасная дѣвушка, лѣтъ 22. Ветхій Поллинь, совсѣмъ уже беззубой, какъ лунь посѣдѣвшій, семидесятилѣтній спарикъ, вдругъ началъ пудришь парикъ свой, одѣваться какъ можно пріятнѣе, и наконецъ намѣкаеть эшой дѣвушкѣ, что онъ хочеть на ней жениться. Я подлинно не знаю, какой благословенный плодъ онъ предвозвѣщаль опъ сего брака; кончилось шѣмъ, что дѣвушка сочла себѣ за щаспіе выйши за мужъ за дряхлаго, безумнаго спарца. Но никто изъ Священниковъ не согласился вѣнчать ихъ; все такимъ образомъ пошло на воздухъ: дѣвушка опомнилась, и возвратилась домой, а благодѣшель Поллина Г-нъ Шшейнбергъ выгналь его изъ дому. Всѣ бросали каменя на сего юродиваго; вся вѣра къ нему исчезла; онъ послѣ жилъ довольно еще долго въ небольшомъ городкѣ въ Нидерландахъ въ презрѣніи, въ бѣдности, въ болѣзняхъ. Живъ ли и доселѣ, или уже умеръ, мнѣ неизвѣстно.

Шольць и всѣ его послѣдователи опкло-
нились опъ его правилъ; всякъ шель своею
дорогою. Но сей самый Шольць, который
опышами, казалось, долженъ бы былъ уму-

дришься, вновь преткнулся, и преткновеніе сіе имѣло бѣдственнѣйшія слѣдствія. По временамъ онъ бывалъ у Каперины въ Швейнбергъ и шамъ видѣлся съ Габихпомъ и съ прелестною его женою Лизою. Вдругъ пришла ему мысль оставить такой шумный городъ, каковъ былъ Поршгеймъ, и въ уединеніи посвятивъ себя на служеніе Богу; пустынножительство избралъ онъ Швейнбергъ, просилъ Каперину принять его на свое содержаніе, и сія женщина, не взирая на всѣ прежніе свой въ семь родѣ опыты, равно какъ и Габихтъ и Лиза съ радостію на то согласились. Теобальдъ, предусматривая, что Шольцъ издалека спавитъ съпни бѣдной Лизѣ, съ важнымъ видомъ и голосомъ опровергалъ ихъ намѣреніе. Онъ видѣлъ, что Габихтъ былъ человекъ уже испощенный, почти шестидесятилѣтній, а Лиза, только еще 28 лѣтъ, была во всемъ своемъ цвѣтѣ, жива и любезна. Теобальдъ вшайнѣ представлялъ Каперинѣ опасность, не утверждалъ свои слова многими примѣрами, и особливо примѣромъ Г-жи Кауфманъ; но рѣчи его были щещны. Воображеніе ея до того было воспалено ложными понятіями о духовности, что она даже сѣшовала на Теобальда. Попустивтъ ли Богъ, говорила она, чнобы споль благоче-

спивыя намѣренія имѣли такія послѣдствія? Надобно прошивуборспвовашь духу злобы. Онъ конечно искушаешь благочеспивыхъ, но сопрошивленіемъ - шо ему мы ушверждаемся во благѣ. Словомъ, епасишельные совѣшы Феобальдовы ни къ чему не послужили. Кашерина выспроила у себя Шольцу новый домикъ, пошому что въ ея домѣ для него не было мѣспа, и онъ жилъ шамъ нѣсколькo лѣшь.

Но жишь его шамъ кдичилось шочно шѣмъ, что Феобальдъ предусмаприваль. Однажды Габихшъ цѣлой день не былъ дома, рабшаль на фабрикѣ, а Лиза помогала Шольцу въ его рукодѣльи. Въ сей самый часъ пришель къ ней припадокъ гисперической. Она чрезмѣрно спрадала; но я опшвѣчаю, что Шольцъ шуть не былъ виновенъ: онъ былъ человекъ спрогочеспный, исполненный шолько любви плашонической. Наконецъ Кашерина и Габихшъ и даже Шольцъ увидѣли свою ошибку; и послѣдній добровольно удалился на родину, гдѣ и жилъ своимъ домикомъ. Габихшъ скоро умеръ. Вдовшво для Лизы было столь шяжкое бремя, что она не могла перенешь его, и вышла замужъ за нѣкоегс человека, извѣшнаго дурнымъ своимъ пове-

деніемъ. Катерину сіе совсѣмъ сокрушило. Тогда она увидѣла, какую мерзость запускѣнія мечтание можешь распроспраняшь и въ свяномъ мѣспѣ. Поздній спыдь! ибо она уже возложила пашно на Религію и порица-телямъ оной подала поводъ къ новому поношенію.

КНИГА ПЯТАЯ.

Немного труда споишь, чинобы разрѣ-
шить, опъ чего между Христiянами съ од-
ной спороны такая удивительная холодность
въ исполненiи истинныхъ обязанностей Рели-
гii, съ другой необузданное рвенiе мечта-
тельства, съ прешiей ненависть къ Религii,
вольнодумство и порицанiе. Холодность,
большую часть людей заражающая, происхо-
дитъ опъ соспарѣвающейся привычки, по
которой наконецъ ничто, ни самыя рази-
шельныя явленiя не производящъ въ насъ не
только сильнаго, но и никакого впечатлѣ-
нiя. Къ тому же мы по цуши, проложенному
намъ восписанiемъ, по цуши чувстввенности,
съ юныхъ лѣтъ идемъ безопасно и безмяшеж-
но; силы, данныя намъ ко внушреннему усо-
вершенствованiю, усыпляются, никогда опъ
сего сна не пробуждаясь. Присовокушете къ
сему печали житейскiя, которыя поглощаютъ
все вниманiе души до такой степени, что
рѣдко въ ней и мысль возникаетъ о единомъ
на потребу.

Когда добрый духъ или случай возбу-
дитъ стремленiе къ совершенству, тогда

человѣкъ обзрѣваетъ ближайшіе, вѣрнѣйшіе, по его мнѣнію, способы къ достиженію сея цѣли, и прилѣпляется къ нимъ безъ дальняго труда въ испытаніи. Попадетъ онъ въ семь положеніи на людей или на книги, мечпаніемъ исполненныя : уносится и онъ шѣмъ же вихремъ ; воображеніе находить шущъ свою пищу ; пріяшныя ощущенія глушатъ здравый разумъ и сердце, и болѣе или менѣе опасный мечпашель ошъ того самаго созрѣваетъ.

Другіе умы, испытующіе, щцаются проникнуть шайны Религіи Философскимъ мудрованіемъ, и на сей дорогѣ обрѣшаютъ множество руководителей, оборочающихъ изустными и письменными насщавленіями. Кто впадетъ въ руки ихъ, шощъ погибъ невозвратно. Они льсщатъ чувствственности, усыпляютъ духъ, оправляютъ его сомнѣніями и недоврчивостію ко всѣмъ источникамъ истины, и человѣка ввергаютъ въ жесточайшее состояніе. Сія болѣзнь почти неизлѣчима, и въ наши времена ужасно распространилась.

Наконецъ щущъ сей ведетъ еще къ иной гораздо погибельнѣйшей цѣли. И да обращатъ на сіе вниманіе и восщавители и родители ! Принятое обыкновеніе засщавлять дѣшей училищъ наизустъ и пересщавлять

предметы, часто понятія ихъ далеко превышающіе, швердись и пересказываютъ все сіе машинально безъ всякаго изъясненія, заранѣе вселяешь въ юношей скуку и наконецъ нѣкоторое отвращеніе къ шѣмъ самымъ предметамъ, съ коими споль усиленно хопяшь ихъ познать. Съ лѣтами и сія скука и сіе отвращеніе возрастають. А отъ сего также рождается она пагубная холодность, оплагающая одинъ разъ навсегда всякое размышленіе и изслѣдованіе истины, и напослѣдокъ оканчивающаяся совершеннымъ бездѣйствіемъ, ожесточеніемъ; или паковый человѣкъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ вспрѣчая лже мудрыя писанія, пожираетъ въ нихъ, такъ сказать, каждую букву пропивъ Религіи и премѣняея въ столь злобнаго врага ея и порицателя, что въ обращеніи его не можешь бышь и надежды.

При такихъ размышленіяхъ у инаго вспануть волосы на головѣ. Въ сокрушеніи сердца онъ спроситъ: гдѣ же искашь истинныхъ Христіанъ и какъ поступать шуть вразсужденіи и самаго себя и дѣшей своихъ?

Не взирая на всѣ препяшствія, на вопросы сіи легко отвѣтствовать. Истинные Христіане не носятъ на челѣ своемъ никакого опличительнаго знаменія, но вшайнѣ

разсѣяны между всѣми сословіями и сословіями; не многоглагольствуютъ, но хранятъ крошечное молчаніе; сіяютъ свѣтомъ благихъ дѣлъ своихъ; не опличаются отъ другихъ ни одѣяніемъ и ни чѣмъ внѣшнимъ; не оплачуются ни отъ церкви, ни отъ общества; вездѣ являются, гдѣ не могутъ произвестъ ни грѣха, ни соблазна; съ равнымъ щиріемъ убѣгаютъ и наружнаго, лицемѣрнаго вида свяшости и всякой щеславной суешности; всякому добро швершатъ, не заботясь ни о шомъ, чшобы сокрытъ, ни о шомъ, чшобы провозгласитъ его. Они лучшіе подданные, лучшіе супруги, лучшіе родители, лучшіе сосѣды. Чшашель! гдѣ бы ты ни встрѣшилъ таковаго человека, чши его; ты встрѣшилъ въ немъ истиннаго Христіанина, и за шѣмъ не испышвай, какъ онъ вѣритъ.

Если хочешь знать, въ какомъ сословіи наиболѣе шакowychъ людей; вопъ шибѣ и на сіе отвѣтъ: Между простолюдинами и ремесленниками ихъ весьма много; въ среднемъ сословіи гораздо менѣе, но за шо здѣсь они выше и чище; между знатными и сильными ихъ очень мало, но за шо истинный Христіанинъ въ семъ сословіи естъ подлинно Князь Божій. Между Піемшнами, мечшашелями и успешными шсновѣдниками вѣры хоша шакже много доб-

рыхъ людей и даже добрыхъ Христіянъ ; но всѣ они обыкновенно болѣе или менѣе прилѣплены къ виѣшнимъ спранностямъ , по испи-нѣ болѣе вредящимъ , нежели пользующимъ ; ибо сіи спранности обращаютъ на себя всѣ мірскія сужденія , приписующія обыкновенно всякое прешкновение не человѣку , но Религіи , что уже и само по себѣ ужасно .

На второй вопросъ я скажу только слова два при . Родители и наставники должны учить примѣрами . Сей образъ ученія всегда приноситъ многій плодъ . Въспомо того , что бы непрестанными проповѣдями , чтеніемъ и увѣщаніями порождаютъ скуку и отвращеніе къ самому добру , при всякой погрѣшности и при всякомъ недоумѣніи довольно иногда молвить два слова и показатъ , что бы должно было дѣлатъ . Паче же всего надлежитъ спаратъ преломлять своенравіе , во всякомъ даже малѣйшемъ случаѣ склонять волю дѣшей къ послушанію , къ покорности волѣ лучшей . Сіе непрерывное упражненіе , соединясь со внушеніемъ истинныхъ о добрѣ понятій , мало по малу шворитъ человѣка мирнымъ и безропотнымъ ученикомъ Искупителя . Пусть такимъ образомъ поступающъ учителя : вообще скорѣе можно будешь достигнуть цѣли .

Всѣ сіи примѣчанія / супъ плоды долго-
временныхъ моихъ опытовъ и наблюдений, и
приключенія, кои въ послѣдствіи постигнутъ
еще Теообальда, должны бытъ разсматриваемы
по симъ правиламъ, есѣли кто хочеть ими
воспользоваться.

Во время всѣхъ оныхъ явленій мечпа-
шельства, ума и безумія, жилъ въ Нидерлан-
дахъ, и именно въ Милгеймѣ на Рурѣ, весьма
достопримѣчательный и во всѣхъ отноше-
ніяхъ почтенный мужъ, споль много и вмѣ-
стѣ споль мало извѣстный Герардъ Теръ-
Спегенъ. Безъ всякаго сомнѣнія онъ еспъ
одинъ изъ шѣхъ проповѣдниковъ, кои на всю
Германію имѣли и еще имѣють сильное влія-
ніе своими писаніями. Не надобно удивляться
симъ словамъ моимъ: дѣйствіе Теръ-Спегена
не проспирадось на цѣляя Государства; но
шѣмъ болѣе оно впечатлѣвалось въ умахъ
просподюдиновъ. Весьма полезно будетъ опи-
сать его здѣсь безпристрастно; ибо наруж-
ное сіяніе святости, окружающее, шакъ ска-
зать, главу его, причиною, что сего вели-
каго и достопочтеннаго челоука или пори-
цають, или не хощають даже принять на себя
и шруда познать его достоинства и заслуги
и отдають имъ справедливоспъ.

Герардь Теръ-Стегенъ былъ младшій изъ девяти дѣтей одного чеснаго гражданина въ Мерсѣ, преждевременно скончавшагося безъ всякаго имущества. Герардь былъ отданъ въ лавку сидѣльцемъ, выучившись прежде грамотѣ, а нѣсколко и Лашинскому языку. Здѣсь онъ служилъ съ усердіемъ и вѣрностію; душа же его непрерывно спремилась къ усовершенію сердца и разума, и совершенства сего по справедливости искалъ онъ единственно въ Христіанской Религіи. Въ самое то время, т. е. въ началѣ прошлаго столѣтія, въ тамошней сиранѣ славился Петръ Поаретъ; Фенелонъ и Г-жа Гійонъ были также еще у всѣхъ въ свѣжей памяти; Гохманъ начиналъ только дѣйствовать; вообще у всякаго на умѣ и на языкѣ былъ Мистицизмъ. Герардь попалъ въ кругъ сей и принялъ сію систему съ такимъ энтузіазмомъ, что мало ему было подобныхъ. Чрезмѣрнымъ пощеніемъ онъ изнурялъ свое тѣло; цѣлыя ночи проводилъ въ молиствѣ, въ чтеніи, въ благочесивыхъ размышленіяхъ; не оставлялъ также никакого дѣла любви ко ближнему, пріучалъ себя къ смиренію и кротости, испощалъ всѣ силы душевныя и тѣлесныя, чтобы достигнуть предположенной цѣли.

О! сколь високаго почтенія достоинъ сей юноша, при всемъ его излишнемъ энтузіазмѣ, въ сравненіи съ сынами нашего вѣка, копорые сердцу своему не могутъ опказати ни въ какой похоти, землю и небомъ клянущся, что человекъ надъ самимъ собою безвластенъ!

Но Теръ - Спегенъ слишкомъ далеко простиеръ свое рвеніе; спрогою жизнью онъ до того ослабилъ свое здорье, что на весь вѣкъ остался больнымъ. Наконецъ на 20 году возраста онъ оставилъ шорговлю, и посвятилъ себя уединенію, отправился въ Милгеймъ на Рурѣ, купилъ себѣ спанъ, шкаль леншы, симъ ремесломъ честно доставалъ себѣ пропитаніе, и такимъ образомъ онъ долго жилъ въ тихой безвѣспности.

Кандидатъ Гофманъ, о которомъ я упоминалъ въ началѣ сей книги, тогда также жилъ еще въ своей хижинѣ. Теръ-Спегенъ познакомился съ симъ добродѣшельнымъ человекомъ, и до самой смерти его продолжалась ихъ искренняя дружба. Отъ него во многомъ онъ просвѣтился; началъ учиться воспочнымъ и другимъ языкамъ, дабы любимыя свои книги читать въ подлинникахъ и переводить на Нѣмецкій языкъ. На сіе упражненіе употреблялъ онъ время отдохновенія отъ своей ра-

бошы, собираль и переводиль жишя благочеспивыхъ мужей Каполической Церкви; сочиняль разныя духовныя пѣсни и размышленія, кои послѣ напечатаны.

Я обремениль бы чипапеля, еспьли бы захошѣль означить всѣ его сочиненія и всѣ подробности его жизни; довольно будеть представить вкратцѣ важнѣйшія черпы и жизни и характера его. Въ наружномъ обращеніи онъ былъ весьма пріятный и любезный человекъ, живаго и веселаго нрава, но вмѣспѣ важень и глубокомыслень. Съ начала онъ былъ спрогій Миспикъ; но мало по малу смягчилъ сію свою систему, и приближился болѣе къ проспошѣ Евангельской. Правила его соспожали въ слѣдующемъ:

Человекъ долженъ предпринять непреодолимое намѣреніе достигнуть совершенства по крайней возможности. Ученіе и жизнь Искупишеля должны бышь ему образомъ. Способъ къ сему еспь хожденіе въ присушствіи Божіемъ, ш. е. непреспанное вниманіе въ глубинѣ сердца, шакъ чшобы мысли непрерывно обращались на шю, чшо въ душѣ происходипь, и шакимъ образомъ всякая склонность, Богу неблагоугодная, въ самомъ рожденіи была бы подавляема. Съ симъ упражненіемъ должна соединяшья непреспашающая внушрения молиш-

ва, состоящая въ безусловной преданности Богу даже и въ маловажнѣйшихъ обстоятель-ствахъ.

Все сіе должно совершаться въшинѣ со внутреннимъ поклоненіемъ Богу.

Для облегченія души сего должно, сколько званіе позволишь, пребывать въ уединеніи.

Сколько Теръ - Спегенъ старался скрывать въ неизвѣстности, сполько онъ спановился извѣстнымъ, и мало по малу вошелъ въ чрезвычайно обширную переписку; сочиненія его вышли въ свѣтъ и изъ рукъ въ руки переходили; они были бы еще гораздо болѣе чипаны, ешьли бы слогъ въ нихъ Миспическій не успрашалъ споль скоро скучающихъ чипашелей нашего времени. Ибо, какъ бы кпо ни мыслить и ни говорить, одна пощая мораль мало подѣйствуешь, ешьли не будешь оживлена духомъ чипымъ и возвышеннымъ, въ исполненіи вспомошесвующимъ. И сей - по духъ вливаешь Теръ - Спегенъ. Словомъ, онъ былъ человекъ благочеспивый. Его ученіе мудрымъ вѣка сего можешь показаться юродспвомъ; но по вѣрно, чпо онъ пшячаи обратился ко Христу. Отъ Амспердама до Берна разсѣяны его послѣдователи, и должно сказать, чпо между Піеписшами они лучшіе, хопя и соблюдаютъ нѣкопорую на-

ружностъ , которая порицателямъ даетъ поводъ злословишь , открывая слабости. Слабости сіи въ сравненіи съ обыкновенными прешковеніями людскими ничего не значащъ ; но по тому самому , что въ нихъ они виднѣе , нежели въ другихъ , и въ глаза болѣе бросающся. По сей самой причинѣ Феобальдъ никогда не выдавалъ себя за послѣдователя Теръ - Спегена , хотя въ правилахъ его признавалъ чистоту совершенную.

Еслили однакожъ мы хотимъ судить безпристрастно, по строгому смыслу истинной Религіи ; то надобно признаться , что и Теръ - Спегенъ въ своемъ ученіи оставилъ нѣкоторыя неясности. Онъ предпочиталъ безбрачную жизнь , и шѣмъ самымъ многихъ отвратилъ отъ щастливаго супружества ; восхвалялъ уединеніе , опшельническиво отъ міра , чѣмъ воспрепятствоваль многимъ подвижашся къ умноженію общаго блага.

Въ семь правилъ есть явное прошивурѣчїе : Хрисціанинъ долженъ иногда удаляшся отъ міра , чтобы послѣ разсѣянности собращься съ мыслями , бдѣніемъ и молишвою укрѣпляшъ свои силы и чрезъ то самое пошомъ приносить большій плодъ ; но по правиламъ Теръ - Спегена надлежитъ убѣгать людей , сколько возможно , не женишся , да-

бы не подвергнушь себя жипейскимъ печалямъ и вшипинѣ предаваться размышленіямъ.

Наконецъ Теръ - Спегенъ непримѣнно руководствоваль къ Сепаратизму; послѣдователи его небрегли о наружныхъ средствахъ къ усовершенствованію и такимъ образомъ впадали во многія заблужденія: въ семь сошпишь все то, что я могу сказать прошивъ Теръ - Спегена и его секшы.

Но все сіе исчезаетъ при наблюденіи превосходныхъ нравовъ его послѣдователей. Я ни гдѣ не встрѣчалъ такихъ достойныхъ людей, какъ между ими.

Между многими анекдотами, которые показывающъ прекрасную душу Теръ - Спегена, я скажу только одинъ. Онъ поѣхаль по почтѣ въ Голландію, гдѣ имѣль многихъ знаменыхъ и добродѣтельныхъ друзей, которыхъ по временамъ посѣщаль. Въ одной съ нимъ коляскѣ сидѣли два Голландца, коихъ вся Религія по видимому соспоела во многоглаголаніи. Они шолковали о многомъ: одинъ защищаль возстановленіе всѣхъ вещей, другой опровергаль его, и при семъ прѣнии оба часпо поглядывали на Теръ - Спегена, который безмолвно сидѣль и видомъ своимъ производиль въ нихъ сильное впечатлѣніе, шакъ что

они принимали его за лице доспропримѣчательное. Подлинно, вся его осанка показывала великаго мужа, и на лицѣ его написано было какое-то величіе, которое всякаго исполняло глубокаго къ нему почтенія. Голландцы весьма желали слышать его мнѣніе о предметѣ ихъ разговора, не смотря на то, что вовсе его не знали. И какъ одинъ изъ нихъ возстановленіе вещей опровергаль сими словами: дерево, упавши, не встанеть; и обратясь съ самоудовольствіемъ къ Теръ-Стегену, спросилъ: что вы на это скажете, государь мой? но сей послѣдній съ обыкновеннымъ своимъ смиреніемъ отвѣщивоваль: шакъ точно! дерево, упавши, не встанеть; но домспроишель и тогда власнень сдѣлавъ изъ него, что ему заблагоразсудилъ. Подлинно превосходный отвѣтъ, весьма кспани еказанный! Я всякой разъ съ удовольствіемъ объ немъ вспоминаю. — Теръ-Стегенъ былъ всегда споль оспроумень и назидашелень въ обращеніи!

По духу истинной любви онъ былъ безпредѣльно благошворителень; не было у него никакого инаго имущества, кромѣ того, что пріобрѣлъ себѣ ремесломъ своимъ, и не смотря на то, онъ содержаль многихъ нищихъ; бѣдныхъ дѣшей въ своемъ домѣ занималь рабо-

шою, руководствуя вмѣспѣ ихъ къ Христіанству; вообще всякому помогаль и совѣшомъ и дѣломъ. Онъ имѣль рѣдкія познанія, которыхъ даже не лѣзя было и ожидать отъ него. Словомъ, былъ всѣми любимъ и между всѣми состояніями дѣлаль жипіемъ своимъ честь Христіанству.

Хотя Оеобальдъ никогда не выдаваль себя за послѣдователя Теръ - Спегена, но правила его ушвердили его на правомъ пупи. Онъ почерпнулъ изъ нихъ все благое, существенное, оставилъ плевелы и шросіе. За сіе самое почишатели Теръ-Спегена не шерпѣли его, видя, что онъ не всегда пилъ шо вино, которое Теръ-Спегенъ любилъ; не шакъ привѣшшвоваль, не шакъ ходилъ, спояль, не шакую осанку имѣль, какъ Теръ-Спегенъ. Ибо не лѣзя представишь себѣ, а подлинно шакъ сіе было, до какой спепени послѣдователи сего мужа ему во всемъ подражали. Для укрѣпленія слабаго желудка онъ пилъ иногда по рюмкѣ поншаку, имѣль, какъ и всякой чловѣкъ, свои шѣлодвиженія, свой нравъ, свои привычки, и въ немъ все сіе было не дурно. Почишатели его безъ разбора все сіе перенимали, съ худымъ однакожь успѣхомъ; шѣмъ самымъ они были смѣшны и самому споль впрочемъ доброму дѣлу вредъ причиняли.

Онъ имѣлъ сверхъ того многихъ искреннихъ друзей, которые не сопрічисляли себя къ его послѣдователямъ, но шѣмъ не менѣе любили и чтили его. Къ симъ послѣднимъ принадлежалъ и Газенфельдъ, который, какъ я въ первой Части упоминалъ, былъ учителемъ Теообальда. Сей достойный человекъ былъ сдѣланъ Ректоромъ Гимназіи въ Д. . . и находился въ дружеской связи съ Теръ-Стегеномъ; въ то самое время жилъ въ Д. . . проповѣдникъ Г. . . , человекъ, которому мало въ мірѣ подобныхъ, другъ также Теръ-Стегена.

Они оба были друзья съ Теообальдомъ; онъ велъ съ ними переписку, и они по временамъ посѣщали его въ Порнгеймъ, доставляя ему шѣмъ великое ушѣшеніе.

Чтобы читателямъ дать понятіе о проповѣдникѣ Г. . . , я вкратцѣ опишу его. Онъ былъ человекъ ученый и съ отличными дарованіями; весель, остроумень и въ своемъ званіи весьма дѣятелень; имѣлъ истинный разумъ проповѣдника, въ строжайшемъ смыслѣ былъ герой вѣры, и приносилъ гораздо больше плодовъ, нежели многіе изъ его собратьи.

Въ семилѣтнюю войну Прускіе гусары кваршировали въ Д. . . Одинъ изъ нихъ грубоствію и необузданнымъ своеволіемъ дѣлалъ большіе безпорядки, всякій день хозяина и

людей его выгонялъ изъ дому, и когда напи-
вался, по съ обнаженною саблею бѣгалъ по
городу; жишеди ошъ него прятались.

Г... слышалъ непресшанныя жалобы на
сего изверга, и шѣмъ чрезмѣрно огорчался.
Однажды, сидя въ своемъ кабинетѣ, ош-
колѣ видъ былъ на рынокъ, ошъ вдругъ услы-
шалъ спрашную брань и звукъ сабли, а
выглянувъ въ окно, увидѣлъ того самага гу-
сара; ошъ вопиль, саблею спучалъ по моспо-
вой, и произносиль самыя буйныя ругашель-
спва. Въ ту минушу Г... палъ на колѣна и
впишинѣ молился. Попомъ вспалъ, попре-
бовалъ плашье, шляпу и проспъ; жена все
по ему подала, и разгадала его намѣреніе;
испугалась, спаралась удержашъ его; но ошъ
вырвался ошъ нее и побѣжалъ.

Пришелъ ошъ на рынокъ. Гусаръ споялъ
къ нему спиною, шакъ, чпо не могъ видѣшъ
сего почшеннаго спарца. Сей, приближась къ
нему, удариль его по плечу и весьма важно
сказалъ: О имени Іисуса Христа, положи въ
ножны свою саблю, спупай домой и успокой-
ся. Гусаръ изумился; но скоро ошяшъ опомнил-
ся, поднялъ саблю и закричалъ. Г... подо-
шелъ къ нему ближе и голосомъ еще важнѣй-
шимъ повшориль шѣ же слова. Гусаръ палъ
на колѣна, заикался; слезы полились изъ

глазь его ручьями. Г-нъ Паспорть! говорилъ онъ съ умиленіемъ, что мнѣ дѣлать? — Иди за мною, опшвѣчалъ Г... Гусарь пошелъ за нимъ; получилъ опъ него доброе и спроеое увѣщаніе и совсѣмъ перемѣнился; просилъ объ опспавкѣ; Г... въ шомъ ему способствовалъ, и онъ съ шого времени былъ весьма набожнымъ человѣкомъ. Подобныхъ анекдотовъ о Г... могъ бы я разсказать много; но долженъ продолжашъ свою повѣсть. Онъ опклонялъ опъ себя самыя выгодныя предложенія, опспался въ своемъ бѣдномъ приходѣ и самъ терпѣлъ бѣдноспъ по увѣренности, что приходъ его безъ него не былъ бы шаспливъ.

Сии немногія черпы уже показывающъ, сколь отличныя свойства имѣлъ Г... Сообщество его доставляло особенное удовольствіе: присутствіемъ своимъ онъ производилъ во всѣхъ глубокое впечатлѣніе, шакъ, что, уходя опъ него, каждой чувствовалъ себя лучшимъ.

Газенфельдъ съ своей стороны имѣлъ шакже нѣчто особенное. Онъ алкалъ испишны, искалъ ее со рвеніемъ неушоплимымъ, и наипаче спарался познашь шайны Религіи и грядущія судьбы рода человѣческаго. Правила его навлекли на него нѣкошорія гоненія; Деиспы же и Нашуралисты палыцами на него

указывали какъ за пламенную любовь его къ Религiи, шакъ особенно за то, что онъ часомно употреблялъ необыкновенныя, сипранныя выраженiя, заславляя шѣмъ самымъ всѣхъ говорившъ о себѣ.

Между шѣмъ какъ Г . . . и Газенфельдѣ жили въ Д . . . благополучно, Феобальдъ въ Поршгеймѣ боролся со скудоспiю, и шуншъ вновь, увлеченный однимъ мечшашелемъ, испытывалъ скорби, которыя однакожъ были со-всѣмъ инаго рода, нежели прежнiя.

Въ С . . . , Феобальдовой родинѣ, жилъ одинъ купецъ, который предпринималъ дѣла не по сосшоянiю и опшъ шого самаго приходилъ время опшъ времени въ большiй упадокъ: Предвидя близкое свое паденiе, онъ собиралъ обществя въ своемъ домѣ, проповѣдовалъ, посѣщалъ Геригушеровъ въ Н . . . и вообще приспалъ къ Пiетисшамъ; все эшо однакожъ не помогло ему: онъ объявленъ несосшоя-тельнымъ, дѣло дошло до конкурса; онъ оспался ни съ чѣмъ. Добрая жена его съ печали умерла! спаршiй сынъ его записался въ солдашы; дочь и меньшой сынъ при немъ находились. Онъ назывался Шлеммеръ.

Въ нищестѣ, безъ куска хлѣба, онъ при-бѣгнулъ ко владѣльцу шой земли, гдѣ жилъ; сей пособилъ ему деньгами, чшобы онъ могъ

начашъ какую - либо работу. Но и путь не было ему благословенія; онъ искалъ помощи у Шешисповъ; сіи прочли ему длинную проповѣдь и отпустили его съ миромъ. Владѣлецъ еще однажды надъ нимъ скалился, подарилъ ему 600 гульденовъ, и сказалъ, что онъ получаетъ отъ него въ послѣдній разъ деньги.

Шлеммеръ взялъ сіи деньги, и вздумалъ учиться врачебной наукѣ, опредѣливъ на то подаренные 600 гульденовъ; и какъ въ Д. . . жить весьма дешево, а къ тому еще шамъ есть хорошее Медицинское заведеніе, то онъ рѣшился туда переселиться.

Дорога изъ С. . . въ Д. . . идетъ чрезъ Порштеймъ. Шлеммеръ зналъ, что соотечественникъ его Феобальдъ былъ шамъ врачомъ, и какъ скоро прѣхалъ, послалъ къ Феобальду просить его, чтобы онъ пришелъ къ нему, больному. Феобальдъ ошчаспи зналъ исторію Шлеммера, но спранный характеръ его былъ ему неизвѣстенъ: иначе онъ былъ бы съ нимъ оспорожнѣ.

Пошелъ онъ въ гостинницу, гдѣ Шлеммеръ остановился; показали ему его комнату; въ ней онъ итотчасъ примѣшилъ спранныости. Лежалъ на кровати въ халатѣ толстый мущина съ оспрымъ подбородкомъ;

сквозь рѣсницы сверкали глаза; прошивъ кровати вдоль стѣны висѣли портреты семейственные во весь ростъ; вездѣ разбросаны были разныя вещи, книги и проч. Оеобальдъ, пожелавъ ему добраго здоровья, сѣлъ возлѣ кровати.

Шлеммеръ началъ свою жалобную пѣсню: сѣшовалъ то на болѣзнь свою, то на злоплучную учась, то на то, что онъ на 50 году жизни видишь себя принужденнымъ учиться.

По первому взгляду Докторъ шотчасъ увидѣлъ, что Шлеммеръ былъ такъ здоровъ, какъ рыба въ водѣ; но какъ онъ утверждалъ, что спраждеть, и непремѣнно хотѣлъ принять нѣкоторыя лѣкарства, то они ему и прописаны. Послѣ разговоръ пощель о планѣ ученія. Шлеммеръ проѣхалъ еще только 7 миль, а изъ 600, назначенныхъ для всего курса, успѣлъ уже истратить 400 гульденовъ. Продолжая цушь такимъ образомъ, съ остальными 200 гульденами онъ далеко бы не доѣхалъ до Д . . . , куда еще 6 миль остава-лось. Эшо было въ Ноябрь; дни уже были короткіе, дорога грязная; самъ былъ онъ шолсъ и шяжелъ; двое дѣшей, домашній скарбъ, все эшо было въ одной повозкѣ; чшобы двинуться съ мѣста, нужно было ему имѣшь

четыре лошади; въ день онъ уѣзжалъ не далеко; обѣдалъ сверхъ того лакомо, кушалъ вездѣ, что было лучшее; однимъ словомъ, дорога не дешево ему обходилась. Оеобальдъ, расчисливъ все сіе, легко увидѣлъ, что предпріятіе Шлеммерово не такъ-то удобно могло исполниться: для того совѣтовалъ ему лишній скарбъ свой и пуховики до времени оставить у него, или у кого-либо изъ своихъ знакомыхъ. Помилуйте, Г-нъ Докторъ, отвѣчалъ Шлеммеръ; безъ того я живой не доѣду до Д. . . . Подушки въ дорогѣ одна моя защита отъ ревматизмовъ.

Оеобальдъ не могъ удержаться отъ смѣха, воображая себѣ, какъ онъ почивалъ въ повозкѣ, обклавшись пуховиками.

Но книги! продолжалъ Оеобальдъ.

„Все Богословскія книги, необходимыя мнѣ для просвѣщенія ума и сердца.“

Оеобальдъ не могъ надивиться, что для просвѣщенія его нужно было столько матеріаловъ. Словомъ, Докторъ увидѣлъ, что онъ связался съ человѣкомъ, который не скоро отъ него опшпанеетъ. Шлеммеръ пробылъ въ Поршгеймѣ еще нѣсколько дней, посредствомъ Оеобальда собралъ себѣ еще около ста талеровъ, и отправился въ Д. . . Оеобальдъ писалъ съ нимъ въ Г. . . къ Газенфельду и еще

къ одному добродѣтельному Доктору, и у всѣхъ ихъ испрашивалъ ему покровительсва. Старому Шлеммеру письма сіи помогли: для себя и для дѣшей своихъ онъ имѣлъ опъ нихъ сноль безденежно; за слушаніе лекцій шакже ничего не плашилъ; подарена ему необходимая одежда; но не смонря на все сіе, онъ всегда нуждался въ деньгахъ.

Оеобальдъ и Шшейнбергъ, принявъ одажды въ его соснорянці учасніе, не хопѣли оставишь его въ бѣдности и оба старались собраншь еще ему денегъ; по временамъ доспавляли ему нѣкоторое пособіе и продолжали сіе чрезъ цѣлый годъ. Шлеммеръ учился прилѣжно, и подлинно имѣлъ добрую голову. По болѣзнямъ своимъ онъ прежде еще чиналъ многія Медицинскія книги, и по испеченіи года пріобрѣлъ сполько знанія, что по нуждѣ могъ бышь врачомъ бѣдныхъ и особенно крѣпкихъ креспьянъ. По крайней мѣрѣ никого не морилъ онъ своими лѣкарствами, прописывав всегда самыя безвредныя. Пища соснавала для Шлеммера въ Д... величайшій креспъ. Какъ онъ получалъ все изъ милосши, шо и не могъ приказывашъ, какія гошовишь для него блюда. Часто писалъ онъ къ Оеобальду въ самыхъ жалобныхъ выраженіяхъ, что здоровье его крайне слабѣешъ онъ шого, что никто

въ Д... не умѣешь сварить порядочно супу, а жаркое шамошнее вообще ни къ чему не годится. Хорошее жаркое, писалъ онъ, должно жариться на вершелѣ надъ раскаленнымъ угольемъ, надобно уголье поливать масломъ, дабы дымъ отъ того поднимающійся могъ проникнуть все мясо. Не удивительно, что такой человекъ обанкрутился. Я не сказала бы о немъ здѣсь ни слова, есль бы не имѣла намѣренія предсказать людямъ, которые щеще славятся Религіею, а жизнь свою позоръ ей наносятъ. Шлеммеръ вездѣ проповѣдовалъ, и всякаго, кто только подавалъ ему малѣйшій поводъ, наставлялъ благочестію и страху Божию, и наставлялъ не просто, не обыкновеннымъ образомъ, но со всеѣмъ вишійствомъ, имѣвъ дѣйствительно и даръ слова и ораторскія способности.

Порицатели Религіи въ семь сочиненіи найдуть доказательство, что Религія съ людскимъ образомъ мыслей не должна быть смѣшиваема, и слабостей человѣческихъ не должно возвергать на Религію. Равнымъ образомъ любителямъ Христіанства надлежитъ быть не спрражъ, не выказывать себя учениемъ, писаніями, проповѣдію, внѣшностію, потому что міръ будетъ всегда осуждать ихъ строже другихъ во всеѣхъ поступкахъ и

всякое ихъ прешкновение припишешь Религiи. Публичные, обыкновенные проповѣдники пользуются нѣкопорымъ снисхожденiемъ: они проповѣдуютъ по обязанности. Чрезвычайные учители, когда Промыслъ ихъ посылаетъ, Промысломъ же и угошворяются. Ты, другъ мой! ешьли ты въ сердцѣ истинный ученикъ Христовъ, проповѣдуй и учи благими дѣлами и примѣромъ.

Въ печенiе академическаго года Шлеммеръ упомилъ всѣхъ своихъ друзей и благодѣшелей въ Д... , и Оеобальду было также мало чести и радости отъ сего своего соотечественника. Всякой зналъ разспроенное его состоянiе, а какъ онъ споль убѣдительно просилъ о Шлеммерѣ, то всякой думалъ, что подобный подобнаго ищетъ и любитъ. Къ сему присоединилась еще вражда жишелей Поршгейма противъ Оеобальда, по коей они старались распускать ложные слухи о домашнемъ его быту и посѣяли шѣмъ самымъ къ нему недоувѣрчивость. Самъ Г... охладѣлъ къ нему; одинъ Газенфельдъ, коротко его знавшій, пребылъ поспоянно его другомъ. Почувительный примѣръ, сколько честному человеку надлежитъ опасаться долговъ.

Профессоръ врачебной науки въ Д... , оказавшій Шлеммеру много услугъ, наконецъ

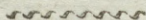
съ нимъ распался, и писалъ къ Оеобальду, чшобы онъ поспарался приспроишь его къ мѣсту въ какомъ нибудь ошдаленномъ городкѣ, гдѣ бы онъ могъ спокойно производить пракшику и доспавашь себѣ пропитаніе. Шлеммеръ съ симъ письмомъ возвратилъ ся въ Поршгеймъ, и оштался вновь на рукахъ у Оеобальда и Шшейнберга. Они вознамѣрились опредѣлишь его въ небольшомъ городѣ Г. . . за чешыре мили ошъ Поршгейма, гдѣ на шо время врача не было, и въ шомъ успѣли. Оеобальдъ сверхъ шого писалъ къ 36 особамъ въ Голландію и въ Германію, какъ къ прежнимъ покровишелямъ Шлеммера, и просиль ихъ, чшобы они подали ему руку помощи. Сими своими попеченіями онъ достигъ до шого, что по жизнь ему назначено было по 300 шалеровъ въ годъ, съ шѣмъ однакоже условіемъ, чшобы онъ получалъ ихъ не иначе, какъ по 5 гульденовъ въ недѣлю. Деньги сіи хранились у Шшейнберга, а счешъ имъ велъ Оеобальдъ. Но сей распорядокъ продолжался шолько одну зиму, покуда Шлеммеръ за спужею не могъ никуда выѣзжашь. Весною возобновиль онъ свои пушешествія, посѣщаль всѣхъ своихъ друзей, и убѣдилъ ихъ шолько еще на два года назначишь ему по 400 гульденовъ въ годъ: что шакже для него сдѣлано.

Часть III.

Съ симъ онъ отправился въ Г . . . , учился Богословіи, прекрасно говорилъ проповѣди, занялъ мѣсто проповѣдника въ нѣкоемъ селеніи, началъ послѣ для прихожанъ собирать деньги, былъ для сего збора въ разныхъ мѣстахъ и, какъ я слышалъ, скончался.

Приключеніе сіе ошятопило еще болѣе жребій Феобальда; онъ былъ въ презрѣніи и всѣми брошенъ. По щастію онъ получилъ приглашеніе переселиться въ Герцогство Фельденштейнъ, гдѣ въ городѣ Лихтенау сдѣланъ Шпашъ - Физикомъ, и вступилъ на новое поприще.

КОНЕЦЪ ТРЕТЕЙ ЧАСТИ.

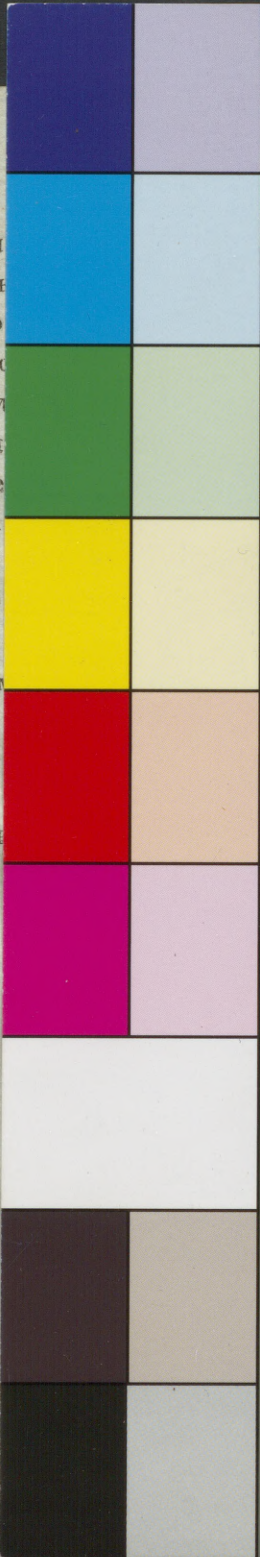

Inches 1 2 3 4 5 6 7 8

Centimetres 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19

Colour Chart #13

Blue Cyan Green Yellow Red Magenta White 3/Color Black

DANES
PICTA
COM

Съ симъ онъ оп
Богословіи, пре
занялъ мѣсто пр
ніи, началъ пос
деньги, былъ дл
спахъ и, какъ я
Приключеніе
жребій Феобальда
всѣми брошенъ.
приглашеніе пере
женштейнъ, гдѣ
Шшашъ - Физиком
доприще.

КОНЕ